

18+

Дмитрий Пейпонен
*КРЕСТОВЫЙ ПОХОД
ЗА СЧАСТЬЕМ*

С-12-12. КНИГА 17

Дмитрий Пейпонен

**Крестовый поход
за счастьем. С-12-12. Книга 17**

«Издательские решения»

Пейпонен Д.

Крестовый поход за счастьем. С-12-12. Книга 17 / Д. Пейпонен —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-601204-2

Семнадцатая книга серии С-12-12. Вадим Острогов, он же Рыцарь, сыграл очень важную роль в жизни Натки. И в этой книге я расскажу о жизни Вадима, об испытаниях, которые ему пришлось пройти и об уроках, которые преподнесла ему жизнь прежде, чем он встретился с Наткой...

ISBN 978-5-00-601204-2

© Пейпонен Д.
© Издательские решения

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ «СИНЕЕ МОРЕ, БЕЛЫЙ ПАРОХОД»	6
Глава 1. Вадим Острогов и его друзья.	6
ГЛАВА 2. Бабочка	9
ГЛАВА 3. «Крузенштерн»	16
ГЛАВА 4. Отдать концы!	24
ГЛАВА 5. Домой!	38
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Крестовый поход за счастьем С-12-12. Книга 17

Дмитрий Пейпонен

© Дмитрий Пейпонен, 2023

ISBN 978-5-0060-1204-2 (т. 17)

ISBN 978-5-0060-1171-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора: У всех персонажей романа имеются реальные прототипы... События романа происходили на самом деле, но общая хронология может быть нарушена. Так же некоторые события изменены для большего соответствия замыслу романа. В целом, прошу воспринимать этот роман не как документальный труд, а скорее, как художественное произведение по мотивам реально произошедших событий... Все имена персонажей изменены, названия некоторых населенных пунктов – тоже...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ «СИНЕЕ МОРЕ, БЕЛЫЙ ПАРОХОД»

Глава 1. Вадим Острогов и его друзья.

...В 16 лет мир воспринимается проще. Ярче и проще. Без оттенков. Черно и белое. Все, что между черным и белым – не воспринимается вообще... И этот жаркий летний день по черно-белой шкале «хорошо-плохо» был просто упоительно хорош... А как иначе – мне 16, я сижу с друзьями на горячих бетонных балках строящегося моста через Волгу, за спиной – старинный и загадочный город Астрахань, в котором я имею удовольствие учиться в мореходном училище на штурмана дальнего плавания (вы только вслушайтесь, как звучит!), внизу – маслянисто-зеленоватые волны реки Волги, от которых веет едва уловимой прохладой и запахом тины, над головой – бездонное, хрустально-голубое небо... Жизнь впереди кажется бесконечной и прекрасной...

– Вадимастый, ты чего, уснул? – раздался голос Печенега. Вадимастый – это я, кстати. То есть, Вадим меня зовут. Это Печенег зовет всех так – Генастый, Толястый... Странная манера. Он думает, что это чертовски круто, но на самом деле никому не нравится эта его «московская» фишка. Хотя сам Печенег не из Москвы, а из Каширы, но отчаянно косит под москвича. Так ему нравится. Добирает крутизны, как он сам думает. Вообще, Печенег мы не очень любим – даже в свои 16 мы понимали, что это не тот человек, на которого можно положиться и которому можно верить. Печенег был тощ, высок и некрасив, с резким голосом и сторбленной спиной.

– Вадимастый? – снова позвал он меня, но мне так было лень отвечать, что я лишь мотнул головой.

– Бесплезно – подал голос мой закадычный дружок, Олег Скорняк, корого мы почему-то звали Скорик – Профессор думает. Профессор – это моя кличка. Дали ее мне заочники, которые жили в нашей общаге, или Экипаже, как называли ее мы, за то, что я помогал им делать контрольные – было забавно, что взрослые дядьки, для нас – морские волки, обращаются к 16-летнему пацану за помощью. Я, конечно, гордился этим.

– Сейчас Профессор подумает-подумает и придумает – сказал еще один мой сокурсник – смешной, маленький и верткий, огненно-рыжий, парень. Звали его Толик, фамилия у него была очень смешная – Чичикин. Естественно, звали мы его Чича. Четвертым в нашей компании был Женька Парамонов, крепкий, битый жизнью парень, который к своим 16 успел осиротеть и отсидеть год в детской колонии... Парамон был спокойным, как дохлый лев и говорил вообще редко...

Мы сидели на балках моста, которые нависали над рекой, и пытались решить две проблемы – чем себя занять и где добыть чего-нибудь вкусенького. Выгоревшая форма трепетала на теплом ветру, матросские воротнички – гюйсы, небрежно лежали на наших плечах, бляхи с якорями горели нестерпимо в лучах солнца. Что греха таить – мы очень себе нравились – этикие уже морские волчата, которые уже знали, что говорить нужно не штормы, а шторма и не ветры а ветра. Знали еще несколько очень крепких словечек, услышанных от тех же заочников, которые вставляли где надо и не надо.

– Вадимастый – снова Печенег. Сейчас опять будет пытаться изображать из себя лидера нашей компании. Парамон коротко глянул на Печенега и еле заметно улыбнулся – видимо, подумал о том же, о чем и я.

– Вадимастый, ты на практику краски и карандаши возьмешь?

Я молча кивнул. Вопрос был дурацким – все в группе знали, что Вадим Острогов без карандашей и красок не ездил никуда. А уж тем более, на практику на самом большом паруснике в мире – знаменитом «Крузенштерне» Вообще, практика на паруснике будоражила всех –

это было настолько круто, что дух захватывало. Воображение рисовало белоснежные паруса, соленые брызги, морскую романтику и прочие захватывающие вещи.

– Мне Вадим офигительных дельфинов нарисовал на тетради по гидрометеорологии – похвастал Скорик – как живые!

Печенег ревностно дернул бровями – характер у него такой, что не мог он терпеть, когда у кого-то было что-то такое, чего у него не было. Такой вот человек был Печенег. Завистливый. И жадный. Я до сих пор не мог понять, почему мы терпели его в своей компании.

– Делать-то что будем? – лениво спросил Женька, потягиваясь и доставая из кармана пачку «Опала».

– Давайте на кондитерку сходим? – Чича безуспешно пригладил свои горящие на солнце рыжие вихры – Пряников наберем, печенья. А, Профессор, как думаешь?

«Сходить на кондитерку» – это означало, что нужно через забор пробраться на кондитерскую фабрику, прокрасться к конвейерам, на которых выпекались пряники и печенье, прошмыгнуть в цех и, прячась за коробками, прямо с ленты сгребать горячие еще ароматные сладости в сумки. По сути, это было воровство, но в 16 лет такими категориями мы как-то не рассуждали – сутками по этим конвейерам текла бесконечная река пряников и печенья и пара сумок, взятая нами, была каплей в море. Дело было опасным и в то же время жутко интересным.

– На кондитерку рано – ответил я – Надо по темноте идти.

– Да ладно, чего вы, законили что ли? – Чича широко ухмыльнулся.

– Иди один – Парамон длинно сплюнул, внимательно глядя, как плевок падает в великую русскую реку – Морда от воблы зажила, видимо?

Парамон намекал на то, что как-то раз Чича полез в одиночку в сушилку для рыбы, которые мы иногда навещали, не дождавшись темноты. Эти сушилки – длинные сараи на берегу, были полны вяленой воблы, висящей связками на натянутых тросах. И вот Чича полез. И его поймали. И суровые волжские рыбаки отхлестали бедного Чичу по морде связкой вяленой воблы. Если хотите узнать, что чувствовал Чича в тот момент, попробуйте. Сухие плавники оставляют шикарные царапины, а соль добавляет удовольствия. Но лучше попробуйте.

– От печенок царапин не остается – возразил Чича и радостно сверкнул зубами – от печенья...

– Вот они! – раздался вдруг крик из-за спины и мы обернулись. По балкам к нам бежали человек 10 – местные, Астраханские ребята, примерно нашего возраста и явно не с целью позвать на пляж.

С местными у курсантов отношения были не очень. Точнее, совсем дрянь. Местные не прощали нам, что их девушки отдают предпочтение нам, парням в красивой форме. Не прощали, что мы просто вели себя по их мнению «борзо». Не прощали нашей свободы – наши родители были очень далеко и мы могли позволить себе то, о чем эти домашние ребята только мечтали. В общем, местные нас тихо ненавидели.

Мы поднялись на ноги. Местные перешли на шаг – деваться нам было некуда и они смаковали ситуацию. Ну и конечно, побаивались – они разглядели наши нашивки и поняли, что мы не из речного училища, а именно из Каспийского мореходного, о котором в городе ходили анекдоты и страшные истории.

Парамон лениво снял ремень и резким движением намотал его конец на правую руку.

Местные пошли еще медленнее.

Парамон покрутил ремнем, как пращей – бляха описала сверкающую окружность. Вообще, ремень в драке был страшным оружием.

– Ну чё, жабы – крикнул крепкий местный в белой свободной рубаше – Молитесь, суки.

Понятно. Храбрости добирает. И своих друзей вдохновляет.

Мы молча сняли ремни и намотали на руки.

– Парни, может в речку прыгнем? – Печенег был трусом. Впрочем, если честно, я тоже боялся. Очень. Но в речку прыгать было уж совсем мерзко.

– Прыгай – Парамон опять сплюнул.

– Прыгай, жаба – крикнули местные и заржали. Шаг их стал уверенней.

– А что за канитель, парни? – Парамон шагнул вперед – Кто тут у вас главный?

Местные переглянулись.

– Хотел что-то? – опять парень в белой рубаше.

– Да не, вы что-то хотите, я смотрю – Парамон пожал плечами – Хоть расскажите.

– А ты самый борзый?

– Не, я самый спокойный. Так что хотели?

– Вы суки велик у Дяги угнали – указательный палец с черным ногтем уперся Парамону в грудь.

– Успокойся, это не мы – Парамон отвел руку – Ошиблись вы.

– Они это – я рыжего помню! – крикнул остриженный наголо местный в черной рубашке.

– Ты ответь! – запальчиво крикнул Чича – На хрен мне твой гнилой велик?

– Да хари им разбить и все, чё ты базаришь с ними, Колян. – подал голос кто-то из местных. Голос был совсем детский и не очень уверенный.

Переговоры зашли в тупик.

Местные засомневались, что это мы угнали их велик, но признать пока это не хотели – много чести жабам. И уходить просто так не могли – надо было держать марку. Я думаю, что все могло бы закончиться мирно, если бы не Печенег, который был прямолинеен, как отбойный молоток и не хватило ему мозгов понять ситуацию. Он решил, что местные испугались. И решил стать лидером.

– Валите отсюда – сказал Печенег из-за спины Парамона – Это наше место.

– Ваше место у параша – зло ответил ему Колян – Сами валите отсюда, жабы. Это наш город!

Последнюю фразу Колян произнес с явным удовольствием – видимо, услышал ее в каком-то фильме или в книжке прочитал и давно мечтал вот так, совсем по-взрослому, вставить ее в «конкретный базар».

– Пошел ты! – не унимался Печенег и добавил, куда нужно идти. Зря. Это был перебор.

– Сюда иди, падла – крикнул Колян и попер на Парамона. Женька коротко ткнул его кулаком в скулу. Местные заорали и кинулись на нас...

Последнее, что я услышал, прежде чем встретить первого местного бляхой ремня, был всплеск воды где-то сзади и внизу.

Это Печенег все-таки прыгнул в воду, спасаясь от местных...

ГЛАВА 2. Бабочка

... Через полчаса мы сидели на теплом песке на берегу Волги. Наши формы были изрядно измяты, гюйс Чичи вообще был сорван с мясом. На лицах наливались синяки. Я сплевывал кровь из разбитой губы и морщился. Костяшки обеих рук были разбиты и похоже, я выбил мизинец. Бойцом я был не очень хорошим – правда, руки были сильные, спасибо спорту, которым занимался я с шестого класса. И хоть санный спорт – не бокс или дзюдо, но попробуйте, побегайте с 16-ти килограммовыми санями в гору раз 10—16 за тренировку... Вот то-то.... И досталось местным от меня тоже неплохо...

Печенег сидел в одних трусах и сушил форму, разложив ее на камнях.

– Да на фиг вы с ними связались? – говорил он, вытягивая тонкую шею – Их же больше было!

– Ну навалили же – Скорик аккуратно трогал пальцами разбитый нос – А не законили. А ты сейчас будешь болотом вонять. Как жаба.

Чича сидел на песке и с сожалением разглядывал порванный гюйс.

– Серега, а ты чего сбежал-то? – спросил он у Печенега – Сам же в занозу полез...

– Я же вам сказал, чтоб прыгали – Печенег сверкнул глазами.

Мы молча сидели на песке и точно знали, что никому ничего Печенег не говорил, прежде чем прыгнуть в воду.

В 16 лет мир воспринимается проще.

Поэтому мы и простили Печенега...

Простили, потому что в той драке мы победили...

Хотя, как выяснилось потом, в драках редко бывают победители. Очень редко.

Но это я узнал спустя много лет, а сегодня я был победителем... И поэтому со снисходительностью победителя простил Печенега, как простили его мои товарищи по победе...

...Вообще, рассказчик из меня никакой. Конечно, сразу нужно было предупредить, но если уж дочитали до этого места, то хочу предупредить, что вероятнее всего, буду прыгать с пятого на десятое, буду делать кучу отступлений и прочих непрофессиональных вещей. Потому что знаю, что рассказчик из меня никакой. А рассказать хочется много, а по возможности – все. Поэтому простите и терпите мою корявую манеру изложения. Или просто не читайте дальше.

Итак, это было в таком далеком 85-м. Как сейчас говорят – «в восьмидесятых годах прошлого века». Звучит... Мы жили все еще в лучшей в мире стране, у нас было счастливое детство и родители наши с уверенностью смотрели в светлое будущее. Мы тоже в него смотрели с уверенностью – но не потому, что партия вела нас к победе коммунизма, а просто потому что понятие будущего было для нас более абстрактным, чем моря на марсе. Про моря мы хотя бы читали. И картинки видели.

...В мореходку я решил ехать сам. Преодолевая сопротивление родителей и учителей. Директор школы, в прошлом военный моряк, даже вызвал меня на душевную беседу, когда я после 8 класса решил забрать документы. Он пытался уговорить, суровый наш директор Сергей Тимофеевич, но я был упрям. Как баран. Как стадо баранов. Стадо баранов, вбетонированных в землю по брюхо.

Это было первое мое «взрослое» решение и я ужасно им гордился. И расставаться с ним я не хотел. Почему именно мореходка? Вот до сих пор не знаю...

Вообще, когда классная руководительница и директор стали меня уговаривать не бросать школу, я был очень удивлен. Бескрайне удивлен. Я думал, что они наоборот устроят по этому поводу праздник. Потому что учился я в принципе хорошо, а вот с дисциплиной у меня было

очень не очень. Совсем не очень. Отвратительно, если быть точнее. Если в школе происходило что-то из ряда вон – неважно, драка, протечка водопровода, дождь с градом или отключение электричества, учителя были единодушны в ответе на вопрос «кто виноват». До сих пор помню, как однажды меня вызвали к директору после того, как в спортзале обрушилось баскетбольное кольцо. И только опрос свидетелей, подтвердивших, что в этот день я прогуливал школу, спас меня от расправы. Но и тогда Сергей Тимофеевич, похоже, не до конца поверил, что я мог упустить такой случай. Вот так...

Единственное, в чем я был дисциплинирован и собран, был спорт. Я с упоением занимался санным спортом, ездил на тренировки и с температурой, и летом в дождь и вообще в любую погоду и в любом состоянии. На тренировках я не хохмил, не подстраивал тренерам пакости, а стиснув зубы, до изнеможения катался и катался... Пока ноги не начинали подкашиваться не то, что от тяжести саней, а от тяжести собственного веса. Я переворачивался, падал, сдирал кожу с локтей, бился головой и стенки виражей, но мне было плевать. Ради нескольких мгновений свистящего ветра в ушах и шипения разрезаемого сталью полозьев льда, я снова и снова лез на старт... Как Сизиф со своим камнем...

И вот, после 8 класса, переупрямив родителей и учителей, я уехал в Астрахань поступать. Конкурс был 5 человек на место. Но мне было плевать – я знал, что поступлю и поступил...

И сейчас, отучившись почти год, мы готовились к настоящему плаванию на настоящем паруснике. Первое в нашей жизни плавание...

Строго говоря, это было второе плавание. Первое было неудачным. Практика на нашем учебном судне «Михаил Корсунов», которое все называли «Мишка Косой» из-за постоянного крена на левый борт. Что-то там не рассчитали, когда из рыболовецкого судна делали учебное. И получился М. К. наклоненным на бок, как пьяный матрос.

Плавание было учебным – нас просто загрузили на «Мишку» перед самым новым годом и мы отправились бороздить Седой Каспий.

Но Каспий так и не дождался нас. Перед самым выходом в море, спустя три дня после отплытия, на судне случился пожар и «Мишка» лишился вала гребного винта.

Плавание накрылось. Мы отметили новый год у стенки ремонтного завода, под проливным дождем. В полночь Печенег с Чичей стащили из шлюпки ракетницу и устроили салют. После чего немедленно с берега пришли угрюмые мужики, оттаскали Чичу и Печенега за уши с благословения боцмана и ушли.

Оказывается, ракеты упали на территорию то ли заправочной станции для судов, то ли нефтехранилища.

В общем, 1 января огромный спасательный корабль «Свирепый» взял наше кособокое суденышко за ноздри и потащил обратно в Астрахань.

Настроение у всех испортилось.

Решив, что если вместо обещанного месяца практика закончилась через неделю, можно уехать домой, Парамон с Печенегом быстро заразили этой идеей всю группу. Заговор обретал конкретику. Чича постоянно агитировал меня присоединиться, напирая на то, что если сбегут все, то ничего не будет. Откуда он это взял, он не знал.

Мне было не до этого – я зарабатывал, рисуя всей группе в отчетах по практике поперечный и продольный разрез учебного судна. По рублю с отчета. В группе было около сорока человек. Я заработал на отчетах тридцать рублей (кто помнит те времена, подтвердит, что это были очень неплохие деньги) – десять человек решили сэкономить и нарисовать разрезы сами. Я видел потом эти шедевры.

А еще перед самым сходом на берег Печенег украл у старосты нашей группы, странно-ватого и очень обидчивого Кости Перета (фамилия у него была такая странная – Перет) новую тельняшку и семь рублей...

Его вычислили. И ночью накрыли спящего одеялом и избили короткими обрезками черенков от лопат, на которых мы тренировались вязать морские узлы.

Я в расправе участия не принимал, узнал о ней утром – на Печенег было страшно смотреть... Ему чуть не выбили глаз и вышибли зуб, но Печенег как будто не замечал синяков – он принял их как данность и считал, что инцидент исчерпан...

Итак, вся группа решила сбежать по домам. Сразу после схода на берег все бросились на вокзал, а я спокойно поехал домой.

Тут нужно пояснить. Я единственный в группе учился на домашнем режиме. То есть, мне официально было разрешено жить не в экипаже, а у родственников.

Родственников я придумал сам, как только узнал о возможности перейти на домашний режим обучения. Придумал какую-то трогательную историю и начальник специальности, пробормотав что-то вроде «Вот чувствую, Острогов, что врешь где-то, но да черт с тобой», подписал мой рапорт. Просто в то время взрослые еще не верили, что подросток может так нагло и продуманно врать...

Жил я в съемной квартире, за которую платил по три рубля в месяц постоянно пьяному деду со стеклянным глазом. Деньги зарабатывал классическим по тем временам способом – разгружая вагоны... Квартира была чем-то средним между сараем и общагой, но я ужасно гордился, что в 16 лет я умудрился жить самостоятельно, провернув такую сложную комбинацию... После этого в группе большинство стали меня недолюбливать, но меня это не особенно тревожило...

...На утро я, как ни в чем не бывало, приехал в училище. Услышав от командира роты, что вся группа разъехалась по домам, я изобразил крайнее удивление и недоуменно пожал плечами – мол, а мне-то сейчас что делать?

Ротный долго и тяжело смотрел на меня, вздохнул и выписал отпускной на две недели. Так я уехал домой совершенно официально, в отличии от моих одноклассников.

Не скрою, я прекрасно понимал, что поступок мой не назовешь верхом благородства, но успокаивал я себя тем, что во время заговора я никому не обещал, что тоже сбегаю...

Мне было шестнадцать – в морально-этические дебри залезать не хотелось, да и если честно, я был в восторге от своей хитрости – еще бы, я еду домой с официальным отпускным билетом...

Потом все вернулись и узнали, что я ездил в отпуск.

Парамон долго смотрел на меня, что-то размышляя, потом назвал самым продуманным из всех, но прибавил, что все равно я поступил как сука. Беззлобно, впрочем, прибавил. Для проформы скорее.

Чича, правда, обижался на меня часа полтора, потом забылся и полез рассказывать, как он пил самогон у себя в деревне с каким-то Архипом.

Скорик восхищенно назвал Профессором, сказал, что они придурки, а я умный и попросил нарисовать на тетради парусник.

Печенег долго распинался о том, что я гнида и так не делается, что я всех подставил и вообще мне надо набить рожу. Скорик предложил ему заняться этим прямо сейчас. Печенег заткнулся.

Костя Перет с полчаса призывал всех устроить мне всеобщий бойкот (я же говорю, странный он был парень), потом полез бить мне морду, получил в глаз и обиделся недели на две.

Остальные в группе прореагировали по-разному, но повторюсь, на их мнение мне было... Ну, в общем, не тревожило оно меня.

Вот такая была первая наша практика...

...Мы сидели на нагретом песке и лениво обсуждали, что наконец-то, скоро закончится первый курс и старшаки перестанут нас «шугать». В училище была дедовщина. И самым важ-

ным событием, пожалуй, было окончание гонений и иногда издевательств со стороны третье и четверокурсников.

Печенег сладостно предавался мечтам, как он будет шугать молодых на втором курсе, придумывая все новые и новые издевательства. Скорик предложил ему заткнуться, напомнив, что на втором курсе он никого шугать права иметь не будет – такова была хартия вольностей нашего училища, которое сами курсанты называли «бурсой».

Печенег не унимался.

– Слышь, Печа – Парамон единственный называл Печенега Печей. Иногда Пичей. А иногда и Писей. – Вот кому если старшаки и разрешат на втором курсе шугать молодых, так это Профессору.

– Да с фига ли?! – взвился Печенег – Он дома сидит, пока мы летаем и шуршим и ему первому разрешат?!

Тут надо пояснить. Летать и шуршать на нашем языке – это бегать по «запашкам» – то есть, выполнять поручения старшаков. Летать – это сбегать в магазин или еще куда-нибудь, зачем-нибудь. Шуршать – мыть полы, посуду, стирать и прочее подобного рода. Запашки – от слова «запахать» – то есть, заставить... В общем, все это называлось нашим любимым словом «шугать».

Вообще, дедовщина в бурсе была махровой. Первокурсники были «духами» – существами, по сути, бесправными. И тут каждый из нас выживал, как мог. Я рисовал. Если попытаться сосчитать, сколько дельфинов нарисовал я для татуировок, ими можно населить небольшое море. Еще я не шуршал. Принципиально. Но об этом чуть позже. Еще я научился отмазываться. Ко всему прочему, некоторые из наиболее вменяемых третьекурсников увидели во мне интересного собеседника (Димка Новик, например. Из семьи интеллигентов, эрудированный и умный, нет-нет да и приглашал меня в гости «потрещать». И угощал чаем. Новик не очень любил дедовщину, сам шугал очень редко и никого никогда не бил. Он мне нравился, но все-таки он был из старшаков и я старался не демонстрировать, что у меня особые отношения с ним.). Не скажу, что меня не шугали совсем... Но полы я не мыл и ничего не стирал. Правда, надолго запомнился мне день принятия присяги, когда трое третьекурсников – Машенко по кличке Изверг, Панаев – Пень и Головка – Голова, пьяные, подняли два кубрика и полночи забавлялись тем, что били нас по мордам кулаками, обмотанными в полотенца. От ударов щеки рвались внутри о зубы, и постепенно стены кубрика покрывались каплями крови...

Потом мы же ее и отмывали.

Но такое бывало редко...

Но бывало...

Забегая вперед, расскажу, как однажды, первый раз в жизни выпив полстакана коньяка, я совершенно охмелел и решил заночевать в экипаже. Коньяком меня угостил Новик по случаю... Не помню уже, по какому случаю, но я почему-то выпил... В общем, улегся я на свободную кровать в кубрике с Печенегом и Чичей. Спать не хотелось совершенно – новое состояние требовало осмысления и понимания, нравится оно мне или нет.

Среди ночи в кубрик вошел Изверг.

Пьяный.

Он по-хозяйски включил свет и заорал «подъем».

Печенег с Чичей вскочили, мне же было настолько все по фиг, что я даже не пошевелился.

Изверг опешил и решил наказать зарвавшегося духа...

Настоящим открытием стало для меня, что пьяный я оказывается страшнее любого Изверга...

Злость на этого прыщавого узколобого заморыша буквально ослепила меня, я вскочил с кровати и без всяких предисловий ударил его в переносицу, потом сразу же – в челюсть, и уже не мог остановиться, пока не прибежали Голова с Новиком и не оттащили меня.

Я матерился, вырывался, обещал «всех на хер сонными перерезать», извернулся и долбанул Голову в нос, отчетливо услышав под костяшками пальцев противный хруст.

Потом прибежали наши, еще третьекурсники и кто-то из старшаков так вдарил мне в челюсть, что я потерял сознание...

Как оказалось потом, это был Новик...

На следующий день все ждали расправы с непокорным духом, но странное дело, никто даже не вспомнил о ночном моем пьяном бунте...

Только Изверг нехорошо косился в мою сторону, но вплоть до моего отчисления даже не подходил ко мне...

Повторюсь, это было уже после практики на Крузе.

Так, просто к слову пришлось...

– Так тоже дома сиди, если сумеешь – Скорик перестал трогать разбитый нос и улегся на песок – Ты вот только базарить горазд, а Профессор и домашний режим себе пробил и деньги сам зарабатывает и от страшаков отмазывается так, что не прикопаешься.

– Старшаки Профессора Королем Отмазки называют – с какой-то странной гордостью сказал Чича – сам слышал. Вадим, а правда, что тебя специально ловят, чтоб ты отмазался?

Я кивнул головой. Было и такое.

– Да и старшаки никогда Профессора в магаз не гоняют и полы мыть не заставляют – Парамон задумался – И чаем иногда угощают.

– Это потому что он рисует – Печенег явно злился.

– Это потому что он не шестерит – заметил Чича – Помнишь, как его ухайдакали, когда он тельняшки стирать отказался? А ты вот стираешь!

– Да ну на фиг – Печенег поморщился, потому что разговор ушел не туда, куда ему хотелось – Вадимастый потом неделю кровью ссал. Мне здоровье дороже.

– Зато он неделю поссал и его больше не трогают. А ты по ночам тельняшки стираешь – Парамон прикрыл глаза – Поэтому хрен тебе, а не молодых шугать на втором курсе!

Я молчал. Про тельняшки – это правда. В самом начале учебы пьяные третьекурсники подняли меня ночью, отвели в умывальник и сказали постирать тельняшки. И ушли в себе в кубрик, старательно изображая разболтанную морскую походку.

Я тогда дико хотел спать. Постоял минут пять, покосился на гору тельняшек, сваленных кучей в раковине и ушел к себе в кубрик...

На языке нашего училища, или «бурсы» это называлось «забить».

Через час меня подняли и снова притащили в умывальник...

Били меня долго, ногами, руками, единственное, что я мог сделать, это закрывать лицо руками – почему-то очень не хотелось, чтобы лицо было расквашено.

А насчет неделю кровью, это неправда.

Так, для красного словца прибавили.

Три дня всего...

Но после этого действительно на такие унижительные работы меня не поднимали. Мало что ли, других было, которые соглашались?

Тот же Печенег, например...

– Вадим, ты чего молчаливый сегодня? – Чича ерзал на песке, маясь от безделья. – Рассказал бы хоть что-нибудь, а?

– У Профессора свидание сегодня – выдохнул Скорик – Некогда ему рассказы рассказывать.

– Да какое на фиг свидание – я поморщился – Губа в клочья, руки вон все разбиты. Форма как у чушкана грязная вся! Не пойду никуда сегодня. Темнеть начнет – на кондитерку сходим.

При упоминании кондитерки Чича оживился и повеселел окончательно.

– Вадим – опять начал он – Как ты умудряешься с девками знакомиться такими взрослыми?

Парамон хохотнул и полез в карман за сигаретой – Ага, сейчас он тебе все прям и рассказал! Сами со Скориком сколько раз спрашивали. Не говорит.

– Подумаешь! – Печенег презрительно фыркнул – Тоже мне наука, девок снимать! Да я дома как перчатки их менял!

– Ага, сначала с Дунькой Леваковой, потом с Манькой Правокулаковой – Скорик широко улыбнулся – А то и с двумя сразу!

Мы все заржали. Печенег окрысился, но смолчал.

Вообще, парни были правы. Пока сверстники тяжело переживали пубертатный период, я умудрился познакомиться с двадцатидвухлетней Бабочкой. Бабочка – это я ее так называл. Почему, не знаю, наверное, романтика из себя строил. Вообще-то, звали ее Настя, работала она учетчицей в Торгмортрансе, где я разгружал вагоны по ночам.

Настя была тоненькой, бледной и красивой – с пшеничными волосами и большими черными глазами. Сначала мы просто с ней коротали время между прибытиями под разгрузку вагонами, сидя у нее в вагончике – я рассказывал ей всякие истории, благо книг разных прочитал великое множество, а она слушала внимательно, приоткрыв свои пухлые розовые губы.

Потом мы стали уходить вместе с работы – я провожал ее до дома, помогая донести пакеты с импортными деликатесами из разгруженных вагонов.

А однажды я набрался смелости и поцеловал тоненькую бледную Настю в ее пухлые розовые губы – неумело, неуклюже и слюняво.

Настя отпрянула. Я был уверен, что сейчас она как в кино влепит мне пощечину и нашей дружбе конец.

А она вздохнула, приблизила свое лицо так близко, что у меня зашумело в ушах и тихонько выдохнула – Не так... Вот так надо...

Потом я еще не раз слышал этот ее шепот на выдохе – Не так... Вот так надо...

А потом я стал звать ее Бабочкой и мы стали с ней встречаться у меня на квартире. Я познавал науку плотских отношений. По законам того времени, Бабочке светила статья и срок за соращение малолетних, но так как официально секса в лучшей в мире стране не было, мы занимались этим несуществующим с упоением и полной самоотдачей...

Когда однажды Печенег встретил меня с Бабочкой, он первым делом растрепал об этом всей группе. Он увидел, как мы целовались, сидя на черных бревнах старой пристани, а уже через час вся группа знала, что Острогов опять всех обошел и у него роман со взрослой красавицей. Меня не стали уважать больше – наоборот, некоторые перестали со мной даже разговаривать.

Но мне было до лампочки...

– Не пойдешь, значит, к Бабочке? – уточнил Парамон.

– Не пойду. Стремно. Завтра вот постираюсь, отглажусь и фигня эта на губе пройдет может.

– Блин, да какая разница – Печенег опять имел свое мнение – Все равно голые будете – он противно захихикал.

– Придунок – лениво протянул Парамон – Девки чушканов вроде тебя не любят. Они любят чистых и умных. А ты грязный и тупой. И носки у тебя вечно воняют. Конечно, твоим мозолистым рукам все равно, воняешь ты или нет. А Бабочка – она красавица. Ей вонючие

носки не нужны. Ей нужны стихи всякие и чистый и умный Профессор. А ты даже в школе стихи не учил, Пися. Так что заткнись.

Печенег надулся и умолк...

Мы все в то время пытались быть крутыми. У каждого в группе была легенда, чем он занимался дома. Кто-то был сынком богатых родителей и кормил нас байками о машинах, импортных тряпках и магнитофонах и о том, что привозил папа из-за границы. Кто-то был чуть ли крестным отцом преступной шайки. Кто-то неотразимым Казановой... В общем, у кого на что хватало фантазии...

А вот Скорик, Чича и Парамон никого из себя не корчили. Этим мне они очень нравились. Чича жил в деревне и отец его был трактористом. Сам он с 10 лет пас коров и несколько этого не стыдился. Скорик жил в Киргизии, в каком-то поселке. Родители его работали на каком-то комбинате, сам Олег с детства гонял на лошадях с киргизскими детьми, с 12 лет покуривал травку и ему было начхать на свой имидж. Парамон... Ну, с тем вообще все понятно. Мне тоже было противно гнуть из себя неведому зверушку – во-первых, я и так знал, что кое-что мог в этой жизни без папы с мамой, во-вторых... Ну, если честно, остальных одногруппников я считал за детей и кривляться перед ними как-то не хотелось.

Печенег прибился к нашей компании как-то незаметно и хоть и лепил он из себя москвича, мы его почему-то терпели. Наверное, для контраста и для того, чтоб всегда под рукой был объект для приколов.

...Солнце тем временем садилось куда-то за город, стало прохладно и сумрачно. Мы поднялись с песка и пошли к трамвайной остановке.

Впереди был поход на кондитерку.

А через три дня мы отбывали в порт Клайпеда, чтобы взойти на борт самого большого парусника в мире.

Но сейчас, в этот вечерний час, нам важнее было удачно пробраться к заветному конвейеру и набрать побольше печенья...

В 16 лет мир выглядит простым и понятным.

Только черное и белое...

И будущее в этом мире – то, что случится в следующую минуту, а не через несколько дней...

ГЛАВА 3. «Крузенштерн»

...Вообще, плавание на Крузе подводило итог первого курса. Ходила байка, что это был экзамен – что, мол, кто не сможет управляться с парусами, будет отчислен. Но верил в нее мало кто – разве что странный Костя да парочка парней из какой-то кавказской республики, которые и по-русски-то говорили плохо...

К плаванию все готовились по-разному.

Кто копил денег, чтобы купить новую фуражку (самая модная у нас считалась так называемая «Бакина» – шикарная фуражка с лаковым кожаным козырьком. На втором месте была мичманка, или «мицуха» – фуражка попроще, с пластмассовым козырьком, но тоже хорошая. А вот «пидорки» не жаловал никто – у них были маленькие поля и их невозможно было загнуть по-морскому – в виде седла) или тельняшку. Кто-то кланчил у командира роты новые ботинки. В общем, всем хотелось прибыть на Круз при параде.

Я купил себе и Бакину и новый кожаный ремень и на этом вся моя подготовка закончилась...

Оставалось доделать два дела – продать икру и попрощаться с Бабочкой.

Кстати, об икре.

Астрахань тогда была рыбной столицей. Особом лакомством была прессованная черная икра. Ее делали так: замачивали в особом рассоле, а потом держали в кастрюле под грузом довольно долгое время.

Прессованная икра была вкуснее, чем обычная и считалась деликатесом. Стоила она, надо сказать, безумно дорого. Кругляш диаметром с небольшую тарелку толщиной сантиметра в три стоил 200 рублей, а то и больше...

Так вот, у деда, у которого я снимал квартиру, сын жил в поселке в 50 километрах от Астрахани, в степи, в своем доме. Мужик он был веселый, мы с ним как-то очень быстро нашли общий язык. И вот однажды он предложил мне брать у него кругляши оптом и продавать на рынке (в Астрахани он тогда назывался «Татар-Базар»). С каждого проданного кругляша он предложил «червонец» и это враз убедило меня заняться коммерцией.

Правда, отпускная цена у дедова сына была ниже рыночной, что позволяло мне к законному червонцу добавить еще один.

А продавала кругляши бабушка Бабочки, которая и так торговала день деньской айвой и прочими фруктами со своего сада. С каждого кругляша Ба-бабочка (так я ее про себя называл) получала 5 рублей, чему была рада несказанно...

Вот такой был у меня «черный» заработок, помимо разгрузки вагонов...

В принципе, коммерцией различной я занимался без удовольствия – так, просто потому, что хотелось своих денег. Мне больше нравилось разгружать вагоны – там хоть, как я думал, по-честному: потаскал коробки с яблоками или с заморским пивом – получи деньги. А тут... Хотя, все равно ведь занимался, что кокетничать-то...

А если говорить об итогах первого курса...

Вспоминается, как сразу после приезда на учебу, нам выдали старые бушлаты и отправили на месяц в степь – собирать арбузы. Работали мы с раннего утра и до темноты – не скажу, что было очень трудно, но монотонность работы и постоянная жара выматывали.

Арбузы мы ели каждый день – брали самый спелый, разбивали его и ели только сердцевину...

А еще почему-то мне очень понарвилось, что жили мы в шатком бараке, собранном из связок тростника, сквозь который продувал холодный ночной ветер, с земляным полом.

Кровати на железных ножках постоянно проваливались в песок и приходилось подкладывать под них доски или камни...

Тогда-то я и обнаружил, что достаточно комфортно, оказывается, могу чувствовать себя в любых условиях – лишь бы без крайностей. Удивился даже. Все вокруг ныли и стонали, что кровати продавленные, что сквозняки, что днем жара а ночью холодно, что умываться приходилось из оцинкованных умывальников с «пипкой», подвешенных на перекладине за нашим баракком. А мне все это нравилось.

Мы собирали арбузы, постепенно все перезнакомились и в целом, было весело. Там с первым я подружился с Парамоном.

Мы как-то держались отдельно – не знаю, почему так получилось...

Одноруппники мои мне как-то особо не понравились с самого начала...

Не знаю, почему...

Они тогда называли меня «художник», а иногда, с подачи Печенега – Вадимастый. На художника я не обижался, а вот Вадимастый меня раздражал...

А вообще, итогов набиралось немного – курс я закончил хорошо, преподаватели мне пророчили блестящую карьеру, намекали, что если так буду учиться дальше, то распределение может оказаться очень даже ничего...

За год еще успел полюбить город – часто бродил по древнему астраханскому кремлю, который имел немного запущенный вид, чем мне и нравился безумно – не вылизанный сахарный, а как бы тронутый временем, с кое-где торчащими из-под облупившейся побелками древними кирпичами, проросшей травой между зубцами стен... Я бродил по кремлю и представлял, как очень давно за этими толстенными стенами укрывались защитники города (кто они были, я толком не знал) от осаждавших полчищ (про полчища тоже было все туманно) неприятеля, поливая их (полчища) время от времени через специальные желоба кипящим маслом и расплавленным свинцом.

В кремле была еще одна достопримечательность – могила дочери какого-то древнего хана – Астры, в честь которой и был назван город. Могила находилась под стенами кремля, в страшном совершенно полутемном подземелье с мокрыми стенами.

Я очень любил туда ходить.

Еще нравилось на речном трамвайчике плавать (хоть и не говорят моряки «плавать» – только «ходить») на остров Оранжерейный, где в душной жаркой влаге огромных теплиц цвели самые красивые цветы на земле – лотосы...

Лотосы я иногда рисовал, но постепенно оставил это занятие – невозможно было передать красоту этих розоватых полупрозрачных лепестков карандашными штрихами. Ну, или это у меня просто толку не хватало.

Про квартиру я уже говорил. И хоть была она ну очень неблагоустроенной, очень она мне нравилась. Дом был «камышитовым» – в Астрахани старинные дома многие такими были – построен из обмазанных глиной пучков камыша, обшитый с двух сторон досками. Зимой в таком доме было тепло, летом – прохладно. Единственное, что досаждало – это различные животные, жившие в стенах – хомяки, мыши и прочие представители мелкого зверья. По ночам они беспрестанно шуршали, пищали, занимались какими-то своими делами. Поначалу это раздражало, но скоро я привык, как привыкают к песням сверчка.

В квартире было три комнаты и огромная кухня, обои, поклеенные еще до революции, выцвели, но оставались красивыми – мне очень нравился их сливочно-ванильный цвет.

Но самое главное – это мебель. Она была не просто старинной – она была очень старинной. Например, трельяж с толстенной мраморной крышкой и резными дубовыми ножками. Или комод, сплошь покрытый резьбой...

Все это было обтертым, кое-где поломанным, но мне очень нравилась эта мебель... Даже посуда вся была очень старинной.

Возможно, именно поэтому я потом так любил винтажный стиль...

Хотя, в далеких восьмидесятых, даже слова такого никто не знал.

Говорили – антикварный...

А винтаж – это уже потом появилось... Вообще, с тех времен очень много слов всяких появилось... Многие, честно скажу, до сих пор не понимаю, для чего нужны!

Квартиру я постепенно привел в уютное и жилое состояние. В одном из сундуков обнаружилась целая куча дореволюционных фотографий – на твердом, как металл, картоне, с красивыми узорами по периметру, с завитушечными именами фотографов еще с «ять». На фотографиях были очень серьезные дамы и господа, в красивых одеждах. Фотографии мне безумно понравились и я повесил их все на стену над кроватью, рядом с чугунным литым завитком ночника с желтым стеклянным абажуром с отбитым краем.

Еще с чердака притащил три чемодана с какими-то фарфоровыми статуэтками, непонятного назначения посудинами из фарфора и металла, несколько керосиновых ламп и самовар – зеленый от патины, огромный и восхитительно – древний.

Все эти вещи я расставил по полкам комода и серванта, на подоконниках и других поверхностях.

Самовар водрузил на полку над столом на кухне.

Кроме всего прочего, повесил на стены несколько своих рисунков – в основном это были корабли и девушки.

Корабли все были парусниками, девушки все были обнаженные, с длинными волосами.

Нравился мне и дом и двор, в котором я жил.

Дом был одноэтажным, длинным, с множеством входов, с постоянно темным двором, обложенный покосившимися сараями. Перед дверями – обязательные скамеечки. Я попадал в «свою» квартиру, пройдя от трамвайной остановки метров 50, по узенькой тропинке, пролезая в дырку в заборе – чтобы не обходить вокруг.

Соседкой у меня была совершенно чокнутая, маленькая сухая бабулька, которая прошла всю войну санитаркой до самого берлина.

Она меня обожала.

Потому что я очень любил слушать ее рассказы о войне, о своих бестолковых детях и внуках, обо всем на свете.

Звали ее тетя Паня. Тетя Паня иногда угощала меня конфетами и однажды подарила огромную черную тарелку довоенного еще репродуктора, которую я незамедлительно приладил к розетке сетевого радио.

Чокнутость тети Пани проявлялась регулярно раз в месяц, когда она получала пенсию и покупала бутылку водки. Напившись, она бегала по двору с поленом за собаками, поднимая растоптанными галошами облака пыли, выходила на улицу и поносила прохожих и проезжающие трамваи последними словами, кидаясь в них картошками и камнями.

При этом она иногда срывала с головы чистенький белый платочек и размахивая им, пела совершенно похабные частушки.

И становилось видно, как под совершенно седыми волосами, от левого виска до затылка по голове тети Пани змеится уродливый шрам – отпечаток ранения, полученного в сорок пятом в Германии...

Вот так прошел год...

Хотя, можно было еще много чего вспомнить, но зачем?...

...«Крузенштерн» был великолепен... Мы обалдело смотрели на него с причала. Огромный, изящный, в убранстве белых парусов и паутины такелажа, он казался нереальным среди стоящих у стенки теплоходов. До посадки оставались каких-то полчаса.

Мы сидели на парапете набережной. Черные волны Балтийского моря высекали брызги, ударяясь о волнорезы. Ветер с моря дул холодный и пах он почему-то не свежестью, а керосином...

Настроение у меня было паршивым.

Во-первых, расставание с Бабочкой получилось какое-то неуклюжее, со слезами, с нервами, с обидами. Не хватало мне еще тогда мозгов понять, как правильно нужно прощаться с девушкой... Какие слова сказать... Что сделать...

Во-вторых, почему-то не было радости от волшебного плавания под парусами. Внутри ворочалось что-то беспокойное, холодное и неудобное и от этого дважды непонятного было паршиво и хотелось сесть на поезд и уехать из Клайпеды обратно в Астрахань, там по-человечески попрощаться с Бабочкой (как?), а потом сесть на поезд и уехать на Урал, в маленький городок с единственным металлургическим заводом и железнодорожной станцией... Домой...

Я помотал головой, стряхивая эти мысли и это настроение, но ничего не получилось.

– Что-то ты совсем скис – Парамон затянулся мятой сигаретой, шурясь на ветру. – Ты посмотри, какой красавец! Нарисуй его! Успеешь?

Я молча вытащил из сумки альбом (обычный, школьный, с серой обложкой) и карандаш, стал наносить первые штрихи, которые постепенно сплетались в рисунок грациозного парусника.

– Блин, балдею смотреть, как ты рисуешь! – Чича подсел рядом.

– Вадимастый, нарисуй меня – попросил Печенег – На фоне Круза!

– Блин, такую красоту твоей рожей портить? – Парамон фыркнул – Не рисуй его, Вадим.

– Лучше не надо – как-то грустно сказал Печенег и сник – Я на фотках всегда плохо получаюсь...

– Да ты и в жизни не очень как-то получился – тихо сказал Скорик.

Я рисовал Крузенштерн и опять погрузился в свои мрачные и какие-то тягуче-тоскливые мысли, которые сами собой как будто влетали в голову с холодный балтийским ветром.

– Вадим, ты с Бабочкой поругался что ли? – осторожно спросил Парамон.

– С чего ты взял?

– Ну она тебя даже провожать не пришла...

– А вы ждали что ли? – почему-то зло спросил я.

– Ну а чего... Красивая она у тебя, почему бы и не посмотреть лишний раз... Еще одевается так...

– Как? – я почему-то все больше раздражался. Штрихи на листе стали жесткими и черными.

– В прозрачное... И короткое...

Это была правда. Бабочка летом надевала совершенно невесомые наряды, которые по длине не сильно выигрывали у длины белья. Но сейчас меня очень почему-то злило это обсуждение Бабочки...

– Бабочка клеевая – мечтательно протянул Печенег – Я бы ей вставил...

– Себе вставь, урод! – карандаш сломался, чуть не проткнув бумагу, оставив на листе кривой черный завиток. Я бросил альбом в сумку и слез с парашюта...

– Пися – Парамон почесал затылок – Вот почему так часто тебе по жбану надавать хочется, не знаешь?

– А че по жбану-то сразу – обиженно протянул Печенег – Я его телке комплимент делаю!

– Вот вообще не комплимент это. Ты вот не лез бы куда не просят, а то точно по жбану получишь.

– Профессор, похоже, влюбился – задумчиво протянул Скорик.

Парамон пристально посмотрел на меня.

– Не, не мог он. Профессор не может влюбиться.

– Это почему это?

– Потому что он эгоист. Конченный эгоист.

– Ну он же не гад?

– Нет. Слишком он умный, чтоб гадом быть... Хотя...

Скорик не договорил – подошел Костя и позвал нас на посадку.

Я шел последним. На душе было совсем паршиво. Меня бесило, что явно со мной что-то происходило, а я не мог понять, что...

...Плавание на Крузе было веселым. Мы постоянно лазали по вантам – неуклюже, коряво, раскачиваясь, до белизны в костяшках вцепляясь пальцами в хлипкие эти веревочные лесенки. Боцман Канифолич обзывал нас беременными каракатицами, коровами и совершенно завораживающими по сложности словесными конструкциями, состоящими сплошь из непечатных слов. Вообще, Канифолич был настоящим боцманом – с прокуренными пышными усами, с зычным голосом и огромнейшим набором матерных слов. На самом деле, звали его Константин Мефодьевич, но сокращенно-доработанно получалось Канифолич. Ну, и одно из любимых выражений у него было – «сейчас заканифолю тебе по самый клотик»... Клотик – это такая... Как бы вам объяснить... Это нашлепка на верхушке мачты – попросту, медный кружок, который не дает дождям промочить мачту насквозь... Канифолич был коренаст, широкоплеч и ходил совершенно потрясающей походкой вразвалочку, обметая невероятной ширины «клешами» палубу Круза, сделанную из какой-то экзотической сосны...

Бушлат он носил прямо поверх тельняшки (у нас ее называли все «тельник». Все, кроме, конечно, Кости), и никогда его не застегивал.

Кстати, о клешах. Носили мы все черные суконные брюки-клеш. Причем обязательная процедура была – ушивание. На бедрах они подгонялись почти в обтяжку. А вниз – расходились настолько, насколько хватало фантазии... Но это еще не все. Настоящие клеша не гладились. Они смачивались и натягивались на две фанерки с заостренными краями, которые вырезались по форме брючины. Фанерки эти назывались «торпедами».

Правда, на торпедах клеша сушились редко – все-таки, чаще всего их гладили...

И в стрелки закладывали леску...

От горячего утюга леска плавилась и склеивала стрелку так, что она была похожа на лезвие ножа...

Потому что, как говорил Канифолич – стрелка на клешах должна быть такой, чтобы (цитирую) «подошел, б..., ты к бабе, а у нее, б..., колготки к е... матери все от остроты расползлись! И чтоб, б..., когда идешь, стрелки со свистом, б..., воздух разрезали!...

Мы просто млели, когда он начинал распекать нас.

Как в том анекдоте – если выкинуть весь мат, то он просто молчал...

Чича начал записывать в блокнотик все слова и выражения Канифолича и очень скоро исписал его до половины.

Некоторые выражение были настолько образны и красивы, что я помню и применяю их по сей день.

Например, «ё... ый кнехт» давал огромную пищу для воображения. А «е... ться в клюз»... К сожалению, я не записывал тогда. А надо было. Чтоб запомнить побольше.

Кнехт, кстати – это такая... штука такая, на причалах вы их видели – вокруг них швартовы наматывают. Вот и представьте сейчас процесс... А клюз – это дырка в борту судна, через которую якорная цепь проходит... Вот тоже... Картинка маслом...

А через недели полторы Печенег улетел за борт.

Дело в том, что на Крузе был настоящий штурвал – безо всякой гидравлики, огромное деревянное колесо с ручками, которое усилие передавало на лопасть руля при помощи канатов и блоков. Сложность в том, что его постоянно нужно было удерживать – малейшая волна, бьющая в руль, отдавалась на штурвал... Вот такая суровая морская правда. За два часа вахты у штурвала мы просто оставались без рук.

А тут поднялся ветер, Балтика заволновалась. Печенег стоял у штурвала. По случаю холодящего ветра мы одевались как можно теплее – бушлат, поверх бушлата – шинель – и все это подхватывали ремнем.

Хоть и лето было.

И вот, Печенег, стоя на мостике... Ну вот смешно – это нескладное чудовище вдруг начал играть в морского волка. Лицо его сделалось суровым, он расставил ноги пошире и взгляд его вперился в горизонт.

Ну просто одиозный Сильвер собственной персоной гонится за испанскими галеонами, чьи трюмы полны золота и рома.

Смехота...

И Печенег начал крутить штурвал, как это делали в кино.

Но очень недолго.

Очередная волна ударила в борт, штурвал завертелся, как пропеллер.

Печенег забыл про галеон, золото и ром, присел неуклюже, как курица, пытаясь поймать штурвал за ручку.

Но штурвал поймал его первым.

Ручкой за ремень.

Печенег, взвизгнув, как девчонка, воспарил – и через секунду скрылся за бортом.

Канифольщик обрушил на все Балтийское море целый ворох словечек (эх, вот зря не записывал!), пинками погнав нас к спасательным кругам.

Через пару мгновений в Печенега, отчаянно барахтающегося посреди моря, полетели оранжевые спасательные круги и пара-тройка спасжилетов с аварийным комплектом – ну фонарик, пакет с сухариками, фляжка с водой...

А вот потом началось самое интересное.

Парусник – не теплоход. Его так просто не остановишь.

Нужно убрать паруса.

Или по широкой дуге обойти Печенега и вернуться, сделав полный круг.

Капитан решил парусов не убирать, а обойти...

В общем, как потом рассказывал Печенег:

– Смотрю, кругов целая куча летит. И спаскомплекта штуки три. А Круз мимо – и уходит... Ну, думаю, копец. Решили не подбирать, а забрать на обратном пути. Вот честно парни скажу, от страха чуть не обоссался...

Когда мы подошли к Печенегу и вытащили его из воды, оказалось, что он успел сожрать все три пайка в спаскомплектах...

А насчет обоссался... Не знаю... Но орал Печенег так, что сорвал голос и дня три вообще говорить не мог...

Мне кажется, орал он не что-то типа спасите, а крыл всех нас матом...

Зная Печенега, уверен, что скорее всего, так и было...

Я, кстати, тоже чуть не искупался в холодных балтийских водах. Точнее, искупался, но до кругов и криков «человек за бортом» дело не дошло.

Нам постоянно меняли места в парусной команде. Видимо, чтобы мы на всех реях побывали. Или чтоб названия парусов лучше знали.

И поставили меня... Вот забыл уже название. В общем – на самую нижнюю и самую длинную рею. Ну не помню я – да и какой нормальный человек будет долго держать в памяти все эти «крыйс-бом-брам-реи», «мачтовые эзельгофты» и «блинда-гафели». А названий этих было... В общем, много. Так вот, нижняя рея. Когда с берега на нее смотришь – вроде невысоко. Когда залезешь... Мало того, что высоко – так еще и торчит она далеко за борт... Вот и съехал я с нее по парусу вниз, окунувшись в воду по грудь. Честно скажу, было страшно. Как удержался – до сих пор не понимаю. Но проболтался довольно долго, пока не вытащили.

Сам факт купания был ерунда – а вот реакция одноклассников... Никогда я не видел их настолько объединенных общим порывом поржать. Они смеялись искренне, радостно и слегка даже истерически – словно у всех у них сбывлась какая-то давняя детская мечта...

Мне почти не было обидно – просто не понимал я, почему уж настолько они радовались моему неуклюжему болтанию в воде. Ну не настолько же я был для них... Не знаю кем был для них. Да и часто очень обращались ко мне с просьбами всякими... И гадостей никому я не делал... Не понятно...

В остальном плавание шло своим чередом, и особенно рассказать о нем нечего. Ну, парусник. Ну, самый большой и самый быстрый в мире. Но мы так выматывались за день, что приползали в наши кубрики – тесные, с низкими потолками и падали на кровати. Нет, мы падали на шконки – на кровати падали сухопутные крысы типа Кости – он так и не привык почему-то называть шконку шконкой, а все звал ее кроватью... И названия парусов он постоянно забывал... Я же говорю, странный он был...

А главное, что я для себя понял на этой практике, точнее, не главное, но важное. Это то, что в группе все делится на две группы (вот сказал так сказал). Одни меня открыто и неприкрыто презирали и ненавидели. Другие – презирали втайне и всячески пытались втереться в друзья. Еще одно важное открытие – мне на это было плевать. Потому что я сделал еще одно важное открытие – мне было крайне неинтересно с этими людьми... Они были для меня детьми... Исключение составляли лишь Скорик, Парамон и как все-таки не странно – Печенег...

А самое главное, что я понял – что море – это не моё. Что не интересно мне все это. Не интересно ползать по вантам, хоть и получалось у меня уже это очень даже неплохо. Не интересно бороздить морские волны. Не интересно...

У меня все получалось, я быстро выучил и названия парусов и названия мачт и рей, и с секстаном обращался лучше всех в группе, но делал это совершенно без интереса...

И не нравилось мне работать «в команде», вот хоть убей.

Нравилось делать лишь то, что я делал один...

Мне и командные виды спорта никогда не нравились.

Поэтому, наверное, на санный и пошел. Там ни на кого не надеешься – плохо проехал – сам и дурак. Хорошо проехал – не нужно говорить «мы выиграли». Победа – она тогда твоя и только твоя...

Ну не командным я игроком оказался...

Нет, я мог работать в группе – вот как в нашей компании...

Но на позиции ведущего, а не ведомого...

Конечно, в 16 лет я не думал еще такими понятиями – это я сейчас уже так рассказываю, но осознание пришло четкое именно на Крузе.

И с этой точки зрения, плавание на Крузе было для меня очень важным...

Ах, да... Забыл... Про Бабочку я почти не вспоминал... Это было поразительно.

И тогда, лежа на твердой деревянной шконке в маленьком, как табакерка, кубрике, под храп Печенег и сонное бормотание Чичи я наконец-то понял, что что-то со мной не так...

Что я отличаюсь от своих сверстников...

Что прав был Парамон – эгоист я, каких свет не видывал...

Открытие это меня не расстроило.

И не обрадовало.

Оно просто пришло и все...

...После практики на Крузенштерне начались экзамены.

Сдавали мы сессию за первый курс.

После нее, те, кто сдал, отправлялись на производственную практику на Каспийское море.

Зачем я сдавал сессию? Сам не знаю... В принципе, решение почти принял об отчислении... А все равно сдавал. Наверное, что-то кому-то доказать хотел. Себе, например. Только что? До сих пор не понимаю...

– Вадим? – Бабочка приподнялась на локте и попыталась заглянуть мне в глаза – Ты какой-то другой стал... Ты сейчас где?

Я посмотрел на Бабочку. В полумраке ее лицо казалось белым с черными огромными глазами. Спутанные волосы ореолом слабо светились в лунном свете. Тонкая, хрупкая, с тихим голосом...

– Я здесь.

– Нет. Ты где-то не со мной. Ты больше не любишь меня?

– А я разве говорил, что люблю?

Бабочка помолчала. Потом села, подобрав под себя ноги, накинула на плечи простыню.

– Вадим...

– Что? Настя, я скоро уеду отсюда. И мы больше не увидимся. Вот так.

– Куда?

– Домой...

Бабочка молчала. На руку мне упали холодные капли.

Я попытался обнять ее, но она напряглась и отвернулась всем телом к стене.

Я встал, натянул брюки и пошел на кухню – захотелось хоть что-то делать. Я поставил чайник на газовую плиту, ополоснул две коричневые глиняные кружки, сделанные еще в 19 веке и сел за круглый стол с кривыми ножками.

Я не нравился себе в этот момент.

Очень не нравился.

Я знал, что можно было найти другие слова и сказать все по-другому.

Но я не понимал, зачем...

Бабочка плакала тихо, изредка шмыгая носом.

А я сидел на кухне, глядя, как голубые огоньки газового пламени лижут дно голубого эмалированного чайника с черными выбоинами на боках и понимал, что я обидел девушку, которая не сделала мне ничего плохого. Я понял вдруг, что не должен был этого делать. Но было поздно...

Бабочка вышла на кухню, завернутая в простыню, с припухшими мокрыми глазами, села напротив меня и закурила, шмыгая носом.

– Вадим – тихо сказала она – А мы еще встретимся или мне прямо сейчас уходить?

Я помолчал

Потом встал, подошел к ней и присел на корточки.

– Пока я не уеду, мы будем встречаться.

Бабочка выпустила длинную струю дыма, едва заметно улыбнулась

– Острогов – сказала она – Я уже жалею тех девушек, которые у тебя будут после меня. Ты ведь гад, Острогов. Гад и сволочь. Но... Блин, но такой клевый... Ты не забывай меня, ладно?

– Не забуду, Бабочка. Обещаю.

– Ладно, давай чай пить – ты ведь для этого чайник ставил?..

ГЛАВА 4. Отдать концы!

... -Вадимастый, ну дай перевод списать – Печенег ныл и приплясывал. Мы сдавали сессию. Печенег сдавал хвосты по английскому и клячил у меня тетрадь с переводами. Тетрадь я ему дал и он тут же улетел в класс для самоподготовки. Списывать.

– Вадим, там тебя Новик зовет! – крикнул Чича, заглянув в кубрик Парамона, в котором мы учили билеты по гидрометеорологии.

Я захлопнул атлас облаков и пошел к Новику.

Экипаж был разделен на 4 блока – по блоку на каждый курс. Справа от входа – первый и второй. Слева – третий и четвертый. У входа – длинный коридор – палуба – для посторонних, комната отдыха, класс для самоподготовки и какие-то постоянно закрытые помещения. Тут же – кабинет командира роты. Я протопал мимо дневального (с моего курса, из тех, которые меня ненавидели открыто, вроде Слава его звали... или Саша... Не помню... Белесый такой...), вошел в крыло третькурсников.

Новик ждал в коридоре.

Мы пожали друг другу руки, Новик пригласил меня к себе в кубрик.

Я вошел. За столом сидел Изверг и читал какую-то книжку. Вид читающего изверга меня удивил – до этого момента я вообще сомневался, что он умеет читать.

Изверг косо глянул на меня и молча погрузился в книжку. Я глянул на обложку. Это была «Повесть о Настоящем Человеке». Я удивился еще больше.

Новик налил в два стакана чай, один подал мне.

– Профессор – сказал он – Дело к тебе есть.

– Димон, вот ты с духами опять дела какие-то... – Изверг не отрывался от страниц. С момента моего пьяного дебоша прошло недели полторы, Изверг видимо, до сих пор для себя не определился, как ко мне относиться.

– Да какой он дух – Новик пожал плечами – Считай, второкурсник.

– Ну смотри...

Новик махнул на Изверга рукой и повернулся ко мне.

– Гражданку надо тебе? – спросил он.

У меня екнуло внутри. Покупать гражданку у старшаков... Да никто из нас даже не мечтал о таком...

Опять поясню. Гражданка – это одежда. Так как мы ходили всегда в форме, носить гражданскую одежду было запрещено. Но мало того – гражданка у старшаков была... В общем, о такой одежде в тогдашней нашей лучшей стране мало кто мечтал.

Привозили они ее сумками с практики. Со второго курса начинались заграничавания – вот они и тащили... Редкостные по тем временам джинсы, кроссовки, футболки, какие-то немислимые джемперы, куртки... И почему-то всегда в конце курса старшаки устраивали распродажи...

Я кивнул. Гражданка мне была нужна.

Я собирался ехать домой.

Новик вытащил из шкафа несколько пакетов и пару обувных коробок.

– Вот – бросил он яркие пакеты на кровать – Примеряй.

Я быстро выбрал джинсы... Нет, это были чудо-джинсы. С невероятным количеством карманов, все в металлических и кожаных нашлепках, с кучей молний. Джинсы были совершенно новыми – даже со всеми ярлыками.

Выбрал черно-серый тонкий шерстяной джемпер, пару футболок и серые кроссовки. Все было новым. Красивым. С заграничными ярлыками. И безумно дорогим. Одни джинсы стоили... В общем, таких зарплат у простых работяг в то время не было...

Я прикинул. Денег у меня хватало – я неплохо заработал на вагонах, еще получил деньги за практику на Крузе, на книжке лежала довольно неплохая сумма – это я еще с первого трудового семестра арбузного закинул туда всю зарплату и премию... Ну, с икры еще лежали красные червончики в старинной сахарнице из синего стекла с серебряной крышечкой...

В общем, я сложил купленные обновки в яркий пластиковый пакет, подаренный Новиком (красно-белый, с надписью «Мальборо»). Даже пакеты такие в то время и то были предметом роскоши...), допил чай и пошел обратно в кубрик к Парамону. Деньги Новик согласился подождать до завтра, поэтому я решил посидеть еще с парнями и домой уйти вечером...

– О, Вадимастый гражданину купил! – Печенег присвистнул – Ну вообще... Совсем стал...

– Кем стал? – спросил я, вытряхивая обновки на кровать.

– О! Какие джинсы! – Печенег протянул руки, погладил синюю ткань с желтыми строчками – Дашь поносить?

– С какой радости? Ты знаешь, сколько стоят?

– Давай куплю их у тебя? – Печенег явно запал на джинсы.

– Денег не хватит. – я назвал цену. Печенег ошалело посмотрел на джинсы. В его взгляде явно читалось, что с этого момента он просто влюбился в эти штаны.

– Печа, иди вот под вагонами поумирай по ночам, и покупай – Парамон как-то брезгливо посмотрел на Печенега. – А то на шару потаскать все горазды...

Печенег вздохнул и сел на кровать.

Я сложил одежду обратно в пакет. Мы снова засели за учебники.

...К вечеру я стал собираться домой. Мне нужно было еще зайти к Бабочке. Я вытащил из-под кровати свой пакет и сразу почувствовал, что он стал легче.

Заглянув в него, я тут же увидел, что джинсы исчезли.

– Парни, джинсы спер кто-то – сказал я и сел на кровать – Блин, даже не одевал ни разу!

– Да как так-то? – Печенег засуетился – Мы же из кубрика не выходили почти!

– Выходили – Парамон почесал затылок – Сто раз выходили. И все вместе выходили – в магазин и на балкон покурить раза три...

– Блин... – Мне не так было жалко денег, которые все равно надо отдать Новик, не чудоджинсов этих, сколько стало противно чувствовать себя... Чувствовать себя лохом, у которого из-под носа утащили очень недешевую вещь...

– А ты проверь, может в пакете? – Печенег сам вывалил из пакета все на кровать – Нету...

– Сам знаю, что нету...

– Надо у дневального спросить – не унимался Печенег

– Да за это время сто человек прошли туда-сюда... Блин...

Парамон молча стоял у окна и что-то напряженно соображал.

Я сложил свои шмотки в пакет, сел к столу.

Чича насуплено шмыгал носом.

– Печа, ты куда бегал, когда мы курили? – спросил тихо Парамон.

Я вспомнил. Когда мы стояли на балконе, Печенег куда-то убегал.

– В гальян – Печенег заморгал часто-часто – А что? (гальян – по-нашему, по-морскому – туалет).

– Ничего...

– Ты что, думаешь я?! – Печенег аж завизжал от возмущения – Ты думаешь, я крыса, чтоб у своих??? Да за такое, Парамон, отвечать надо!

– Перед тобой, что ли? – так же тихо спросил Парамон – А чего ты так завелся-то? Я просто спросил...

– Ни херасе, спросил!!! – Печенег срывался на визг, вытаращивал глаза и размахивал руками.

Мне показалось, что как-то слишком уж яростно Печенег возмущается...

Да и никто не говорил, что это он – сам начал...

– Серега, верни джинсы – сказал я.

– Блин, Печенег, верни! – Скорик всем телом повернулся к Печенегу.

Парамон встал и закрыл дверь кубрика на ключ.

– Ты если думаешь, что повизжишь и все кончится, то нет – сказал Парамон. – Я тебе сейчас буду лицо бить до тех пор, пока не сознаешься. Сука ты, Печенег...

– Да вы чеегооо??? – лицо Печенега побледнело. Видимо, он не ожидал, что так быстро события перейдут в карательную фазу.

– Где джинсы? – спросил я и встал.

Мы обступили вчетвером Печенега, сидящего на кровати.

– Парни, вы чего?...

Парамон легко вдернул Печенега, взявшись за грудки, и тут же ударом кулака отправил его обратно на кровать.

Из носа Печенега потекла кровь.

– Где штаны, сука... – тихо сказал Парамон и снова повторил процедуру – вверх, удар кулаком...

Мне стало противно.

Захотелось уйти.

Печенег был жалок.

Парамон снова поднял Печенега, коленом врезал ему под дых, а когда тот нагнулся, коленом же врезал со всей силы в лицо.

Печенега бросило на пол.

Он ползал, обливаясь кровью, хватал Парамона за ноги, чтоб тот больше не бил.

Парамон пнул Печенега в живот.

– Где джинсы? – сквозь зубы процедил Парамон.

– В... вальнике.... Пд раковиной....

Чича открыл дверь и убежал в умывальник.

Парамон усадил Печенега на стул и отвесил две оплеухи.

– Сука – бесцветно сказал он – Шмотки собирай и из кубрика вали. И больше чтоб к нам не подходил...

Я положил принесенные Чичей джинсы в пакет, пожал парням на прощание руки...

...Сессия подходила к концу. Оставалось сдать английский и можно было паковать чемоданы и ждать производственную практику. Я так и не решил, отчислюсь сразу после сессии или схожу на практику.

Печенега мы больше не замечали.

Правда, он пару раз пытался вильнуть хвостиком, но Парамон пригрозил ему проломлением жбана, и он успокоился.

Лето заканчивалось...

Мы с Парамоном сидели на ступеньках учебного корпуса, рядом с огромным черным якорем, раскоряченным на бетонном пьедестале.

Парамон курил противный «Дымок», сплевывая и щурясь от ядовитого дыма.

– Блин, какая-то пое... нь-трава, а не табак – варчал Парамон, сплевывая в сотый раз.

– Так зачем куришь эту гадость? У меня скоро глаза разъест. А ты вдыхаешь еще...

– Вот хорошо тебе говорить – ты не куришь. Спортсмен, блин...

Парамон был прав. Я не курил и никогда даже не пытался попробовать. И дело не в спорте или в строгости родителей. Я хорошо помню, как в 8 классе еще пошел со совими одноклассниками покурить – ну была шальная мысль попробовать. Сначала парни долго собирали мелочь

на пачку «Родопи», потом долго уговаривали какого-то дядьку купить им сигареты. (Не удивляйтесь – в то время пацанам сигареты не продавали. И больше скажу – курящим малолеткам попадало от посторонних по шее. Вот такие были времена...) Потом мы полезли в какой-то подвал. Было темно, душно и воняло канализацией. Парни засмолили, а я стоял и очень мне это все не понравилось. Смешно как-то. Натырить мелочи у родителей, потом такие сложности. Потом в подвале стоять на нрызном полу среди вони и ржавых труб и корчить из себя крутых и взрослых? Нет, не по мне такое. И тогда, в этом самом вонючем подвале, я подумал, что пока не смогу сам зарабатывать себе на сигареты и никто не даст мне по шее за курение, даже попробовать не буду.

А потом, когда уже стал зарабатывать, как-то не хотелось пробовать. Что-то было очень детское и жалкое в этих попытках добрать себе мужественности, «пышка» сигаретой, неумело зажатай в руке.

Правда, Парамон курил как взрослый и он не выделялся, а просто курил, потому что ему хотелось.

– Так говорил же, давай нормальных куплю сигарет. Ту-134 или там Стюардессу.

– Да хоть ту, хоть эту... Одна отравка... Правда, блин, Дымок этот совершенно курить невозможно! – Парамон выбросил недокуренную сигарету – Что, правда купишь?

– Ну сказал же.

– Буржуй ты, Вадим. За это тебя и не любят.

– Кто?

– Да наши все почти. Завидуют. Все у тебя как-то не как у всех. И хата, и Бабочка, и деньги. И учишься хорошо. И старшаки уважают. И препода. Блин, да я сам сейчас завидовать начну – Парамон засмеялся. – Ты на производственную пойдешь?

– Да фиг знает, Женька. Наверное, пойду. А что?

– Давай вместе попросимся?

– Так я по-другому и не думал. Будут по 4 человека на судно отправлять – я и думал у начальника специальности попросить тебя, Чичу и Скорика.

– Попросить тебя, Чичу и Скорика – Парамон усмехнулся – Я же говрю, буржуй! Вот в 17 году из-за этого революция и началась.

– Из-за чего?

– Из-за зависти, из-за чего... Вот ты же сам говорил, что прадед твой каким-то там... был.

– Помещиком...

...Вообще, на самом деле, фамилия моя была не Острогов. Прадед мой был шведом, носил древнюю фамилию Остергофф. Скандинав. Потомк викингов. Жил он где-то под Петербургом, имел не так чтобы очень много, но и не мало. Революция изменила все. Поместье и прочую недвижимость у прадеда национализировали, сам он чудом спасся от красного карающего меча революции. А фамилию на русский лад переделал мой дед, когда записывал новорожденного моего отца. Так, на всякий случай. Чтоб вопросов не было. Вот и стали мы в результате Остроговыми...

– Ну вот, ему завидовали-завидовали хмыри навроде Печенега, а потом взяли и все отобрали. Пича такой же. Сам ни хера не умеет и не хочет, а жрать вкусно на шару – это всегда пожалуйста.

– Антисоветская пропаганда, Женька, это называется.

– Да мне по фиг. Хоть как. Ты-то же понимаешь, что если бы не большевики, сидел бы сейчас во дворце, какао пил с шоколадом, да девок прислужниц за вином шугал бы в магаз.

Я засмеялся.

– Ладно, провокатор, пошли за сигаретами и пожрать чего-нибудь купим. Скоро Скорик с Чичей подвелят на пристань.

Мы пошли в магазин, обметая широченными клешами горячий астраханский асфальт. Я толкнул Женьку плечом и он широко улыбнулся.

Нам просто было хорошо идти вот так, обметая клешами асфальт, глаза на проходящих девчонок, лихо заломив фуражки на затылок...

В 16 лет еще остается полное ощущение, что мир принадлежит только тебе...

...На производственную практику я все-таки остался. Стало интересно и я как бы давал себе шанс еще раз попробовать моря. В конце концов, это была именно работа – та работа, к которой нас и готовили в бурсе.

Чича и Скорик ко мне не попали.

Чича подхватил какую-то кишечную инфекцию и лег в больницу, а Скорик не сдал сессию – его оставили на пересдачу.

Со мной и Парамоном попали Костя Перет и еще один парень из нашей группы – то ли Вася, то ли Вова по кличке Алеша. Почему Алеша – никто не знал, фамилия у него была Шилов.

Судно нам досталось неплохое – малый рыболовецкий траулер, котрый назывался просто и без затей «Килька».

Именно кильку мы и должны были ловить в Каспийском море.

Практика была рассчитана на три недели, при условии, что холодильник нашего МРТ заполнится, как тогда писали в газетах, «живым серебром».

Из этого серебра потом делали консервы.

Такие, с оранжевой этикеткой. «Килька в томатном соусе». Из этих консервов еще суп тогда варили – вкусно получалось...

Так вот, отчалили мы на нашей «Кильке», вышли в открытое море.

Команда – 6 человек, мужики суровые, грубые даже иногда, я по именам уже не помню их. Помню, что капитана звали Вогеныч – от Владимир Геннадиевич.

И боцман был маленький и верткий, очень пожилой, совсем не колоритный.

Не то что Канифолич.

МРТ – суденышко небольшое. Точнее – маленькое. Все пространство занимал холодильник для улова и траловое оборудование. Для кают и прочих удобств места почти не оставалось.

Мы вчетвером ютились в малюсеньком кубрике с крошечным, как пятак, иллюминатором.

Команде мы откровенно были до лампочки, поэтому мы маялись от безделья.

Вогеныч, каждый раз, когда видел нас, отворачивался брезгливо и сквозь зубы цедил:

– Ладно, вот косяк поймаем – наползаетесь еще.

Косяк – это скопище кильки – бывало, что косяки растягивались на несколько километров.

МРТ сильно качало, дизель заставлял вибрировать все вокруг, мы или валялись на шконках или под руководством боцмана наводили чистоту.

День на пятый-шестой плавания, наконец-то наткнулись на косячок кильки.

И вот тут уже нам пришлось несладко.

Команда, как заведенные, черпали кильку тралами, забывая холодильники.

Мы не спали трое суток, сорвали ладони до кровавых мозолей, у Кости началась морская болезнь и он то и дело под крики и свист команды бегал к леерам (такие тросики по бортам, чтоб не вывалиться) «позвать ихтиандра».

Мы провоняли рыбой и потом.

Болела спина, руки плохо сгибались и разгибались.

От морской соли волосы стали как солома.

Но ё... ный кнехт, мне все это очень нравилось!

Я с упоением принимал кошелю трала, с которых водопадами лилась вода и в которых билась миллионы мелких рыбешек и открывал их, заморожено глядя, как сверкающая чешуей лавина с шелестом стекала в трюм.

Я не замечал ничего – ни усталости, ни опухших глаз от бессонницы, ничего.

Мне очень нравилось. Это было по-настоящему.

Не игра в лихих мореходов, которые как обезьяны ползают по вантам и знают, чем отличается стаксель от кливера.

Это была настоящая работа.

Тяжелая, опасная, воняющая рыбой, но настоящая...

Парамон работал, матерясь, весело сверкая глазами, с лихостью управляясь с лебедкой.

Алеша и Костя страдали и не скрывали этого...

Странно, оказывается, спустя много лет, Костя, эта сухопутная крыса, стал все-таки штурманом дальнего плавания... Хотя сейчас, стоя по колено в трепыхающейся массе кильки внутри холодильника с лопатой, он ненавидел море, ненавидел наш МРТ Килька и нас всех...

Его постоянно тошнило, он постоянно ныл и клялся отчислиться...

А потом все-таки стал мореманом...

Не понятно это...

Мы забили холодильник под завязку, кэп Вогеныч, радостно скалясь, хлопал нас по больным плечам и его радостный мат улетал с крепким соленым ветром за горизонт.

Команда тоже радовалась – светила премия, и Вогеныч дал всем выходной.

Мы поплелись к себе в кубрик, а команда всю ночь праздновала окончание лова, сотрясая все суденышко дружным смехом...

А наутро начался шторм.

Мы вылезли на палубу.

Ветер, свистя на разные голоса в леерах и антеннах, гнал по черным высоченным волнам клочья белоснежной пены.

Море грохотало. Палуба постоянно проваливалась куда-то вниз, потом подхватывала и вытаскивала к черным низким тучам.

Наша Килька, скрипя и надсадно тарыхтя дизелем, карабкалась по волнам, под тяжестью полных трюмов глубоко и неуклюже просаживаясь в черную шипящую воду по самые борта. В эти моменты по палубе прокатывалась волна, с брызгами разбиваясь о надстройки и мачты траловых кранов.

– Вы чего..... мать..... ть ..... быстро ..... Мать!!! – кричал сквозь вой ветра и грохот волн Вогеныч. Это он нам.

Чтобы мы спустились вниз.

Костя с Алешей послушно скрылись в кубрике, а мы с Парамоном стояли, вцепившись в леера, вбирая остекленевшими от ужаса перед стихией глазами эту черно-белую бушующую бездну. Ветер сек по щекам, трепал бушлаты, сбивал дыхание, но я почти не чувствовал этого.

Передо мной во всей своей прекрасной свирепости неистово клокотали тонны воды.

Четные и белые краски, с миллионами оттенков.

Звуки, которых раньше я не слышал.

Ощущение полной беспомощности и незащищенности перед штормом завораживало.

Все, что происходило вокруг, казалось нереальным. И в тоже время – это было самое реальное из всего, что я когда-либо испытывал.

Я не думал ни о чем.

Страх сковал настолько, что я упивался им.

Это был какой-то извращенный восторг.

И это было по-настоящему...

В 16 лет все-таки очень здорово чувствовать себя на краю бездны, в которую до конца не веришь...

...Вадим, ты точно уже решил? – Парамон потягивал чай из стакана, сидя у меня на кухне за столом. Мы только что вернулись из бурсы, где получили зарплату и премию за практику. Решили это дело отметить – купили торт, какие-то мясные деликатесы...

Парамон купил две бутылки «Жигулевского», я через Бабочку купил бутылку дико-винного импортного пива. Парамон от него отказался – поэтому купил одну. Пиво мы пока не рогали – должны были подойти Скорик с Чичей.

...да чего уже говорить сейчас? – я гладил белую парадную фланку (фланелевая форменная штука такая... типа рубахи... без пуговиц), домой я решил ехать в парадке. Фуражка в белом чехде и перчатки уже были готовы. – Я же рапорт подал, уже подписали, осталось только у начальника специальности подписать и все...

– Жалко – Парамон засопел – Скучно тут будет.

– Да ладно... Что уж теперь... Король умер – да здравствует король!

– Король отмазки – Парамон улыбнулся. – Эх, Все равно жалко. С тобой весело.

И не скучно.

– А не одно и то же?

– Нет. Весело – когда ржешь. А не скучно – когда интересно.

– Да ты, брат, философ! Кстати, вот подарок тебе на прощание! – я сходил в спальню и принес Парамону сверток из газеты.

Парамон развернул.

– Блин. Джинсы! Ты с ума сошел – они же стоят как пароход!

– Да не переживай – я у Новика еще комплект гражданские купил – дома-то таких шмоток фиг найдешь... А он мне эти так отдал – они ношенные, но немного...

– А чего Новик вдруг раздобыл?

– Раздобреешь тут – у него торговля идет полным ходом – да я у него накупил вон целую сумку.

– Ты на самом деле Профессор... Тебе правда 16 лет? А то иногда мне кажется, что тебе лет 30 уже.

– Скажешь тоже. Просто везет, вот и все

– Ага. Везет. С мозгами тебе повезло просто. И характер.

– А что с характером?

– Да тебе насрать на всех. Так и надо. Люди – они суки. Гнилые все.

– Да брось. Не все же... Блин, где Чича-то со Скориком? Уже на полтора часа опаздывают!

Скорик с Чичей так и не пришли в тот вечер. Это было странно.

Но так как сотовых телефонов в то время не было, мы с Парамоном решили выяснить причину завтра, а сами все-таки отметили окончание практики и первого курса.

Сидели с ним на бетонной, теплой от дневного солнца, набережной Волги, опустив ноги в воду, наслаждаясь закатом и вечерней прохладой.

Вкусно пахло водой, пылью и приближающейся осенью.

Мы почти ничего не говорили – так, лениво перебрасывались фразами.

Этот вечер был настолько хорош, что не было необходимости перегружать его разговорами.

За спиной застучали каблучки, ветерок донес запах духов.

– Привет – Бабочка как-то резко вынырнула из темноты, в коротком белом платье из тонкого шелка.

Почему-то девушки сейчас не носят почти таких простых платьиц...

А тогда носили...

Бабочка под села рядом, подобрав ноги, тут же вытащила из принесенного пакета какой-то сверток.

– Пирог – торжественно объявила она – Сама пекла. С мясом!

Вслед за пирогом, который наполнил сумерки одуряющим ароматом, Бабочка вытащила три бутылки пива.

– Вот! – торжественно потрясла она зеленой бутылкой – Тьюборг! – Бабочка делала ударение на О Дефицит страшный! Кое-как выклянчила сегодня! Смотрите – крышка какая, с колечком!

Мы принялись рассматривать этот страшный дефицит, крышки с колечком, потом начали его дегустировать, закусывая пирогом.

Пирог оказался слегка непропеченным.

И очень соленым.

Но никто ничего не сказал.

За «Тьюборг» с крышечками с колечками мы простили Бабочке ее неудачный кулинарный эксперимент.

Вскоре, когда все было выпито и съедено, Парамон засобирился в бурсу.

Мы попрощались с ним и пошли ко мне домой.

Каблучки туфель Бабочки в минорном ритме стучали по асфальту. Я чувствовал на локте тепло ее ладони.

Мы молчали.

– У тебя когда поезд? – тихо спросила Бабочка.

– Завтра забираю документы. Поезд послезавтра поздно вечером.

Бабочка вздохнула.

Я тоже.

– Тебе хоть немного грустно? – Бабочка спросила это почти с вызовом.

– Конечно. И не немного.

Ее пальцы слегка сжали мой локоть.

– Врешь ведь... Знаю, что врешь, а все равно приятно...

Мы по тропинке подошли к моей двери.

– Наська! – раздался голос тети Пани. – Прошмандовка!

Судя по вступлению, тетя Паня была пьяной.

Мы хихикнули.

– Платье напялила позорище одно – трусы торчат, сиськи торчат, голая бы пошла еще! – Тетя Паня грозно потрясла зажатым в сухой руке черенком от лопаты. Оканчивался черенок свежим изломом – видимо, кому-то не повезло сегодня. – Ой, б... дь какая, еще скалится, маромойка! Сейчас вот как ох... рю дубиной, будешь у меня тут жопой сверкать голой еще! Вадька, сучёнок! Гони ты эту ложкомойку от себя – она тебе п... ду на нос нацепила, а ты и рад, дурак! Сейчас вот обоим по шеям надаю!

Тетя Паня опять потрясла черенком, но с места не сдвинулась – видимо, бушевала давно и сил осталось только на слова.

– Что, засранцы, е..тсья пошли? Опять полночи, б... ди такие скрипеть будете кроватью! Наська, сучка, хватит зубы скалить!

– Теть Пань, уезжаю я скоро – сказал я, поворачивая ключ в замке.

Тетя Паня вдруг замерла и почти нормальным голосом спросила:

– Куда?

– Домой, теть Пань, домой...

Мы вошли в прохладную темную прихожую, оставив замолчавшую тетю Паню стоять посреди двора со сломанным черенком в руке...

...Парамон пришел рано утром.

Он тарабанил настойчиво и до те пор, пока я, наспех натянув джинсы, не впустил его.

– Привет – мрачно сказал Парамон и прошел на кухню.

Я потер глаза, поставил чайник на плиту.

– Случилось чего? – спросил я у Парамона.

Из спальни вышла Бабочка – сонная, с взъерошенными волосами, завернутая в простыню.

– Женька ты чего? – спросила она, надув губы – С ума сошел?

– Вадим, ты, короче, в бурсу аккуратней сегодня иди за документами – наконец сказал Парамон.

– Это еще почему? – я от удивления сразу проснулся – Бабочка, сделай нам чай, а?

– Короче, там наши тебя отпиз... ть собрались.

– Это еще за что?!

Бабочка напряглась, замерев с чайником в руке.

– Ну, узнали, что ты отчисляешься, напоследок хотят навешать...

– Так за что? Не так же просто, ради поржать?

– Печенег всех подговорил... В общем, маза такая – типа Профессор оборзевший, надо ему рога пообломать.

– Дурость какая-то... – я пожал плечами – Детский сад, блин. Типа, а давайте закидаем говном этого, потому что у него машинка красившее...

– Вот-вот! Именно поэтому!

– Вадим, не ходи! – как-то выдохнула Бабочка, как будто я на войну собирался.

– Да как не ходи – мне документы надо забрать! Блин, вот делать им нечего...

– В общем, Вадим, я с тобой пойду – решительно сказал Парамон. И ты это... ремень кожаный возьми сегодня – у тебя там бляха потяжелее.

– Ты что, думаешь на самом деле бить будут? Да брось! Погундят немного и успокоятся!

– Не скажи... Я же говорю – как в 17-м. Из-за зависти все. Еще поди гражданину мечтают у тебя забрать.

– Хер им по всему форштевню! – зло сказал я. – Ладно, чай попьем сейчас и пойдем.

Бабочка, дождись меня здесь.

Бабочка кивнула головой, испуганно глядя то на меня, то на Парамона.

– А может... – тихо начала она.

– Не может. Все равно идти надо. Без документов я не уеду.

– Страшно? – спросил Парамон.

– Разберемся – ответил я и быстро оделся – надел те самые джинсы, которые пытался упереть Печенег, кроссовки, белую футболку.

Мы вышли из квартиры, я закрыл дверь на ключ.

– Чтоб Бабочка не улетела? – улыбнувшись, спросил Парамон.

– Угу...

Я пытался понять, страшно мне или нет. Как-то не очень верилось, что наши настолько меня не любили, что готовы на расправу. Точнее, не хотелось верить. Страх не было – было какое-то раздражение и отвращение.

Наваерное, Парамон был прав. Революцию совершили из-за зависти. И у «помещиков и капиталистов», как писали тогда в учебниках, наверняка было вот такое же отношение к восставшим народным массам – раздражение. И отвращение с налетом брезгливости.

Мы сели с Женькой в трамвай, разрисованный какими-то цветочками.

Кстати, очень мне нравились астраханские трамваи. Они все были разрисованы. Не рекламой прокладок или пива, как сейчас – не было тогда рекламы на трамваях. Да и нигде

не было. На трамваях рисовали героев мультфильмов, каких-то смешных зверей и прочих позитив.

Мы с Пармоном, например, радовались, как дети, когда удавалось сесть на трамвай с котом Матроскиным и прочими героями «Простоквашино».

Не знаю, почему, но этот трамвай нравился нам больше всех...

От остановки до бурсы дошли молча.

А потом Пармона поймал преподаватель по навигации и стал требовать с него какие-то несданные лабораторные, причем очень настойчиво намекая, что нужны они ему сию секунду.

Женька растерянно посмотрел на меня.

«Беги» – сказал я ему – Я в учебном корпусе буду, в нашем классе.

Пармон помялся, с ненавистью посмотрел на преподавателя и убежал за тетрадь в экипаж.

– Отчисляешься, Острогов? – спросил преподаватель (ну не помню я уже, как его звали!), почесывая седой затылок.

– Отчислился уже – кивнул я – документы осталось подписать и забрать.

– Жалко. Ну что же, решил если уже... Руководить производственной практики очень тебя хвалил... Может, передумаешь?

– Да поздно передумывать...

– Ну да... Ладно, желаю удачи тебе, Острогов...

И седой препод зашагал к куда-то по своим делам.

Я вошел в учебный корпус, спросил у дневального, где начальник специальности.

Тот ответил, что в нашем учебном классе и я взбежал по старой пыльной бетонной лестнице на третий этаж.

Темный коридор, вытертый до желтизны линолеум.

Толкнув тяжелую дверь класса, я тут же понял, что попал...

Начпеца в классе не было.

Зато была наша группа в полном составе.

В классе сильно воняло краской – красили столы. И стулья. В общем, все, что можно было покрасить в темно-зеленый цвет. Не знаю почему, но многое в бурсе было темно-зеленого цвета. Иногда даже двери.

– Кто пришел! – воскликнул Костя Перет, первым увидев меня.

Все повернули головы в мою сторону и тут же отложили кисточки.

Я вошел в класс и села на подоконник.

И тут же подумал о том, что за спиной – открытое настежь окно и третий этаж и кучи битого кирпича внизу...

Но пересаживаться не стал.

Не хотелось показывать, что боюсь. А я вдруг стал бояться.

Все смотрели на меня какими-то голодно-злыми глазами.

«Ну точно революционные массы перед штурмом Зимнего Дворца» – подумал я. Штурма мне не хотелось. Вообще не хотелось.

Дрался я вообще-то плохо. Сила в руках была, а техники – ноль. Как шагающий экскаватор – если дотянется до горы, то конечно, сроеет, но вот грациозности, чтоб дотянуться, не хватало...

Ну если один на один, то шансы еще были.

Но не 15 же на одного... Или сколько их тут... Я вдруг понял, что даже не знаю, сколько человек в нашей группе...

– Чё, сам пришел? – ко мне вихляясь, подошел Печенег, но остановился шагах в трех. Уж кто-кто, а он-то знал, что я если дотянусь, мало не покажется.

– В смысле? – спросил я – За документами пришел. При чем тут сам или не сам?

- А Парамон не предупредил что ли?
- О чем?
- Мы тебе сейчас е... ло бить будем – по-деловому сообщил мне Костя.
- Да ну!? И за что?!
- За все хорошее – очень логично объяснил Перет и отошел.

Я пожал плечами. У революционеров даже стратегия не была продумана. Странные они...

- А не хрен было вые... тья! – объявил приговор Печенег.
  - Да успокойся, я уеду завтра.
  - Вот на дорожку тебе личико и поправим – объяснил Перет откуда-то из угла.
- Остальные просто стояли и молчали.

Ждали, как стая волков... Хотя, какие волки – шакалы. Ждали, когда кто-то скажет «фас». Но команду пока никто не подавал – Печенег явно пытался накрутить себя. Но как-то получилось у него это вяло.

Я пошарил глазами около себя. На другом конце подоконника – кучка стальных ножек от стульев – квадратные такие трубки. Годится, если что. Больше ничего подходящего по близости не было.

Я подвинулся поближе к трубкам и повернулся к Чиче, который сосредоточенно очищал ножки стола.

- чича, вы чего не пришли вчера? – спросил я у него.
- А он больше к тебе не ходит – ответил Парамон.
- А ты за него почему говоришь, он сам не может?

Чича подошел ко мне, держа в одной руке банку с краской, а в другой кисточку.

– На – протянул он мне банку – Крась стол. Ты же, блин, художник! В слове «художник» Чича явно между буквами «у» и «д» произнес еще «й».

Я внимательно посмотрел на Чичу.

- Сам крась – ответил я.
- Конечно, тебе же западло! Ты же у нас крутой! Ты же у нас особенный!
- Э, Чича, ты чего? – я не понимал, что происходит.

– Ничего! – Чича с грохотом поставил банку на стол, из нее выплеснулась краска. – Сам с Парамоном на Кильку, денег заработать, а нас со Скориком на гнилую «Варшаву», на которой мы чуть не утонули!

«Варшава» – это еще один МРТ, который во время производственной практики во время шторма зачерпнул воды в трюм и чуть не затонул. Про него все говорили, но я не знал, что Чича со Скориком проходили практику именно на Варшаве.

- А я-то при чем? – удивился я – Как поставили в группы, не я же распределял!
- Не пи... ди! – опять Печенег – Ты сам начспеца уговорил, чтоб Чичу со Скориком с тобой не ставили в группу!

Так... Похоже, картина прояснялась. Печенег напел Чиче и Скорикю, что это из-за меня они чуть не погибли... И именно это послужило сигналом к революции... Не ожидал от Печенег такого продуманного хода...

Я понимал, что отрицать сейчас бесполезно. Слово против слова. Но мое слово – дешевле. Потому что все уже утвердилось в мысли, что именно Вадим Острогов виноват в том, что Чича и Скорик чуть не утонули... И даже в том, Варшава именно из-за меня чуть не пошла ко дну...

Я молчал.

- Ты скажи что-нибудь – сказал Чича – Ты же Король Отмазки у нас!

Все робко засмеялись.

- Нечего мне сказать. Вам Печа насвистел, а вы и уши развесили... И что теперь?

– Бить тебя будем. Для ума. Может, даже ногами – Чича ухмыльнулся.
Во мне закипела злость.

– Для ума?! – спросил я, слезая с подоконника – Это кто тут такой умный-то?! Скорик, тоже ногами будешь?

Скорик молча ухмыльнулся.

– Идите в жопу, мудаки – зло сказал я – Училка еще не отросла, меня уму учить!

– Ты поаккуратней с выражениями! – Печенег опять попытался накрутить себя. Получилось у него плохо. Остальные пока даже не пытались ничего предпринимать – просто стояли и ждали, что сделает Печенег. Некоторым, явно видно, что не очень нравилось все это, но стадный инстинкт побеждал.

Я сквозь злость удивлялся, как Печенег смог вдруг стать лидером. Удивлялся, как быстро Скорик и Чича встали на его сторону. Удивлялся и все явственнее ощущал какое-то омерзение именно к Чиче и Скорику. Хотелось просто уйти. Даже не хлопнуть дверью. Все эти люди, по сути, уже были для меня вчерашним днем, можно было не стараться производить впечатление, что-то доказывать. Это были люди из прошлого. Которые почему-то решили, что имеют право повлиять на мое настоящее... Злость и отвращение поднимались волнами, в ушах зашумело. Даже страх куда-то отступил.

Я демонстративно взял с подоконника одну из ножек, покрутил ее в руке, нарочито внимательно поторогал пальцами неровный, в нашлапках сварки, край. Постучал трубкой по ладони, потом по подоконнику.

Печенег напрягся.

Он не совсем ожидал, что я сам начну приближать драку – судя про его глазам (и зная его характер), я должен был еще минут 5 назад упасть на колени и умолять о пощаде. Да, вероятнее всего, именно этого и хотел Печенег, чтобы я умолял о пощаде, унижался и ползал на карачках. Ему это было нужно. Как, впрочем, и остальным.

Наверное, это было для них даже важнее, чем просто и незатейливо запинать меня толпой в угол.

– Скорик, Чича – позвал я своих вчерашних друзей – Зря вчера не пришли. Быстро вы переобулись, молодцы. Удачи вам. И остальным тоже. Я пойду, пожалуй, скучно тут у вас.

Я сделал шаг от окна, помахивая трубкой. Никто не шелохнулся.

Еще шаг. Еще.

Прошел мимо Печенега.

До дверей оставалось шагов десять, не больше.

И тут Печенег схватил меня за плечо и почти взвизгнул: «Стоять!»

Видимо, до него дошло, что если я уйду просто так, это стадо никогда больше не признает в нем лидера. И сейчас он был готов на все, лишь бы удержать свои позиции.

Я резко обернулся, стряхивая его руку, и тут же поймал скулой его кулак.

Удар был несильный, но из-за неустойчивого положения, я чуть не упал, шагнув назад. Машинально взмахнув трубкой, я ударил ей Печенега по бедру, от чего тот с воем грохнулся на пол.

Теперь мне конец, понял я, глядя, как наливаются кровью глаза остальных и как они разом стали опступать меня.

Последнее, что я успел подумать, прежде чем человек 5 одновременно кинулись на меня, это будут или нет Скорик с Чичей принимать участие в расправе...

Я успел дотянуться своим оружием только до одного – им оказался странный Костая Перет, ему попало по плечу, попало сильно, очень сильно, но остальные повалили меня на пол.

Я понял, что сейчас будут просто запинывать, пока не устанут, и максимально сгруппировался...

Но в этот момент с грохотом распахнулась дверь и в класс ворвался Парамон.

Поливая всех матом и раздавая направо и налево удары кулаками, Парамон за пару секунд разогнал всех, подошел ко мне и помог подняться на ноги.

Парамона боялись все.

Даже толпой.

Печенег со стоном встал на ноги.

– Ты, крыса, мало получил, я смотрю – зло сказал Парамон и без всяких предисловий, вложив в удар вес тела, врезал Печенегу в челюсть.

Тот снова упал на пол.

– Всё? – спросил Парамон, обведя всех глазами – Нет больше желающих?

– Парамон – начал было Чича.

– Рот закрой, падла! – Парамон явно кипел от злости – Я тебе попозже башку расшибу. И тебе, Скорик. Суки вы. Профессор сколько раз вас выручал. Не так? Тебе, Чича, кто денег дал, когда тебе срочно надо было домой съездить, когда бабушка у тебя умерла? Забыл? Тебе, Скорик, кто шинель новую подогнал, когда ты свою прое... л?! А по мелочи сколько раз он вас вывозил?! Суки вы! Дешевки дырявые! Вот Писю теперь и целуйте в жопу, чмори!

Я бросил трубку на пол и не глядя ни на кого, вышел из класса.

Парамон вышел следом.

– Вадим, по фиг на них – сказал он, улыбнувшись – Шакалы они все. Да и ты все равно уедешь – забудь...

...Мы стояли у моего вагона – Парамон, я и Бабочка. Был тот момент при расставании, когда все уже подсознательно хотели, чтобы поезд скорее отправлялся – все было сказано и сейчас мы просто выжидали время.

Парамон курил, задумчиво глядя в никуда.

Бабочка тоже курила и шмыгала носом.

– Видим, ты писать будешь? – спросила Бабочка.

Я подумал, прежде чем ответить.

– Нет, наверное не буду.

– Почему?

– Потому что о чем писать? – ответил за меня Парамон. – У него другая жизнь будет, у нас другая. Профессор, мне не пиши, я все равно не отвечу – ненавижу письма писать.

Я еще раз внимательно посмотрел на Парамон, на Бабочку, словно пытаюсь сфотографировать их и отложить где-то в кладовке своей памяти.

– Не буду. – улыбнулся я. – Ладно, идите давайте, поезд через три минуты отходит.

Мы крепко пожали руки с Парамоном.

Бабочку я поцеловал в щеку.

Поднялся по железным, пахнущим угольной пылью, ступенькам в вагон.

Еще раз обернулся.

Они стояли и смотрели на меня – внизу, немного задрав головы.

Как будто я улетал от них.

Это были уже тоже люди из прошлого.

Люди, с которыми я больше никогда не увижусь.

Я махнул им рукой и ушел...

Вагон качнулся, скрипнул колесами и очень медленно покатился.

Сквозь мутное стекло со своего места я видел, как Парамон с Бабочкой закурили, обшаривая глазами окна вагона.

Потом Бабочка что-то сказала Парамону.

И медленно пошла в сторону вокзала, уже не оглядываясь...

А Парамон стоял и курил, глядя на катящиеся мимо вагоны...

Я сел на сою полку, навалился на жесткую спинку. Всё. Эта страничка была перевернута и стала воспоминаниями. Просто картинками и звуками в моей памяти. Стало немного грустно, что столько событий внезапно превращались в размытые образы...

ГЛАВА 5. Домой!

Я устроился поудобней и вдруг вспомнил, что наконец-то увижу родителей и младшего брата и своих бывших одноклассников, от этого стало как-то тепло.

Одни люди ушли из моей жизни, другие собирались еще только войти в нее. И понимание этого простого круговорота людей в жизни как-то вселяло надежду, что завтра будет лучше, чем вчера. Ну, во всяком случае, не хуже....

Родной город встретил запахом лета, жарой и каким-то, совершенно не уральским, пыльным суховеем.

Я вышел из вагона, тут же поймав на себе взгляды людей, стоящих на перроне. Еще бы! Я, как мне тогда казалось, был просто великолепен: в белой, парадной фланке, из-под которой браво выглядывал тельник, в угольно-черных клешах, в ботинках, надраенных до глянцевого блеска. Бляха ремня, сияла, как солнце. Фуражка-в белом парадном чехле. Темно-синий гюйс, подхваченный ветром, весело трепетал за спиной. Я спускался по ступенькам вагона, как капитан с мостика. В руке-коричневый чемодан с нарисованным на крышке, красками, «Крузенштерном» – Это я, убив всю ночь, таким образом украшал свой «дембельский» чемодан, перед самым отъездом.

Перейдя небольшую привокзальную площадь, я стал подниматься по, довольно длинной лестнице, которая вела к остановке автобуса. Город наш, стоял на Уральских горах, поэтому, вот такие лестницы, были в нем не редкость. В обиходе, даже, были фразы, типа: «подняться по улице», или, например, такой диалог: «ты куда идешь?» – «в низ», из которого, сразу становилось понятно, в какой район города, идет человек Мой дом, по сути, стоял на самом высоком месте, города, поэтому, сколько помню, автобусы всегда надсадно выли, преодолевая затяжной подъем, к моей остановке.

Итак, я поднялся по длинной лестнице, перешел улицу, вымощенную брусчаткой и встал на остановке. Кстати, брусчатка – это такая фишка моего города была, в то время. Ее делали, на металлургическом заводе, вот и вымостили почти все дороги этими металлическо-серыми кирпичиками.

На остановке, по случаю рабочего времени, стояло два или три человека и какая-то девчонка, в белом, в красный горох, платьице и в красных босоножках. Ее длинная коса с вплетенной в нее красной ленточкой, была переброшена на грудь. В руке девчонка держала холщовую хозяйственную сумку. Я подошел к остановке. Девчонка уставилась на меня, как на диковинку. Еще бы, в городе металлургов и железнодорожников, среди Уральских гор, и вдруг, настоящий мореман, да еще при параде, да с таким шикарным чемоданом! Из-за поворота выехал автобус. «Шестерка», именно тот, что мне и нужен был. Он, булькая бутылками в чреве своем, подкатился к остановке. Двери раскрылись, я вошел в салон, прошел на заднюю площадку, так как хотел посмотреть родной город, поставил чемодан на пол, взялся за поручень и повернулся к окну.

– Острогов! – услышал я за спиной девичий голос и обернулся. Та самая, в горохах. Почему-то, на остановке, я ее совсем не узнал. Русая челка, коса до пояса – это была Светка Петрова, моя одноклассница. Было дело, даже сидел с ней за одной партой, пару лет. Девка шепутная, резкая, как пацан. А сейчас, она уже не выглядела той самой, угловатой и резкой, Петровой, которую, что греха таить, даже некоторые парни побаивались. У Светки была очень тяжелая рука, в этом могли убедиться некоторые мои одноклассники. Но сейчас, передо мной стояла, девушка с красивой, стройной фигурой, ровными, стройными ногами, которые плохо скрывало короткое платье, с большими серыми глазами, густо опущенными ресницами.

– Острогов! – повторила Светка, радостно улыбаясь. – Ты чего здесь? В отпуск приехал?

– Нет, Светка, насовсем. – ответил я.

– Это как? – удивленно спросила Петрова. – Тебе же, наверное, лет пять учиться?

– Четыре. – поправил я.

– Ну, вот! Тогда чего?

– Да все, Петрова, надыхался я соленым ветром морей! Хватит!

– И не жалко? Ты же, вон какой! – Светка, положив руку мне на плечо, погладила погон, провела рукой по тельнику на груди. Не скрою, еще год назад, от таких прикосновений девчачьих, я бы уже весь дрожал бы. Но, благодаря Бабочке, я спокойно выдержал эти поглаживания, не поведя бровью.

– Ну, и что делать будешь? – спросила Светка. В 16 лет, мы, вообще-то, очень редко задавались этим вопросом, живя сегодняшним днем. Но Светка, видимо, слишком много общалась со взрослыми, вот и заразилась.

– Не знаю, не думал еще – честно ответил я. У меня, и в самом деле, не было понимания, что я буду делать дальше. – Может, работать пойду – Брякнул я, что первое пришло в голову.

– Ты серьезно? Прямо, работать?! – Светка удивленно округлила глаза. Видимо, для нее «работать», было что-то, очень далекое и пугающее.

– Ну да, работать, а что такого? Деньги буду зарабатывать.

– А учиться? – Петрова, видимо, решила до конца играть роль взрослой.

– Да хватит, поучился, слава богу!

– Острогов, блин, ты как всегда! – сказала Светка.

– Это как?

– Да вот так! Странный ты, все-таки, Вадим! – первый раз за все время, пока мы ехали, она назвала меня по имени, а не по фамилии. – Твоя остановка?

– Ага, «Юбилейная», моя. Ладно, Петрова, пойду я. Пока!

– Пока, Вадим! Увидимся!

Я кивнул, подхватил чемодан и вышел из автобуса. Свой дом я увидел сразу – обычная пятиэтажка из белого кирпича, на фасаде, обращенном к остановке – огромный плакат, на котором жутковатого вида, сине-фиолетовый юноша, расщеплял, очевидно, атом. Рядом с юношей, стояла девушка, тоже сине-фиолетовая, с аномально-длинными ногами, в коротюхоньком, халатике, с букетом цветов в руках. Смысл происходящего на плакате, от меня всегда ускользал. Выглядело все так, словно юноша хотел обменять свой атом, на букет цветов у девушки, но она была против такого странного обмена. Под плакатом, коричневой краской, прямо на стене, коряво было написано «люблю Лена». Смысл этой надписи, тоже ускользал от меня все время, которое я жил в этом доме. Это были те времена, когда не было модно писать, где попало, признания в любви, украшая их кривыми сердечками. Здесь писал кто-то немногословный, этакий, брутальный сталевар. Он донес свою мысль через буквы, и этого было достаточно.

Я обвел глазами родной двор.

Ничего не изменилось! Как в известной песне: «а еще старики, что так же, стучат в домино». Старики были на месте – за столиком, сколоченным из досок ими же под могучим тополем, с прибитым к столешнице, куском коричневого гетинакса. Я всегда был уверен, что прибили они его, специально, чтобы доминошки, как можно громче, шелкали, когда они, размахнувшись, как шашкой, впечатывали их в стол. Щелчки домино, скрип качелей, которые какой-то местный геркулес, когда-то, видимо, хотел завязать в узел, но не доделал начатое, так и оставив их кривыми – вот и все звуки, которые меня встретили в это августовское утро. Я пошел к своему подъезду. Бабульки, все те же, что и год назад, сидели на своей скамеечке. Я поздоровался с ними и вошел в прохладный подъезд, который привычно пах кошками и какой-то домашней стряпней. Поднялся на пятый этаж. Дверь наша, была такой-же. Коричневая искусственная кожа, пробитая золотистыми декоративными гвоздиками по периметру.

Кнопка звонка.

Я позвонил. Спустя несколько секунд, открылась дверь, и я увидел своего младшего брата. Он, увидев меня, обернулся назад и крикнул в квартиру: «Вадька приехал!»

Выбежала мама. Из кухни, вышел отец, со своей любимой, огромной, светло-зеленой, кружкой в руке, видимо, пил чай.

Он подошел ко мне, крепко пожал руку.

– Ну, вот и наш моряк приехал! – сказал отец. Вообще, отец у меня был, на эмоции, довольно скупой. Я никогда не видел, чтобы он, хоть как-то, проявлял свои переживания. Не было в нем, знаете, сентиментальности, склонности к какой-то рефлексии. Особенно, внешних каких-то проявлений, чувств. Не скажу, что он был человеком жестким, нет. И не холодным он был, мой отец. Он, как будто, немного стеснялся, быть чувствительным и способным, например, на эмоции. Сколько его помню, он всегда пытался культивировать в нас с братом, этакий образ «мужика, который не плачет». Роста он был, не высокого, но был как-то очень крепко, сбит, жилист, очень силен физически и до безрассудства хулиганист. В юности, отец занимался борьбой, тяжелой атлетикой, и черт знает, чем еще! Я, если честно, очень гордился своим отцом, когда был школьником. И, пожалуй, где-то, очень глубоко в душе, хотел быть на него похожим. Он всегда был душой компании, весельчаком и острословом, я видел, как уважали его знакомые.

– Ты как, в отпуск или насовсем? – спросил отец.

– Насовсем! – выдохнул я.

– Ну, и слава Богу! – сказала мама.

Я разделся, мы все пошли на кухню, пить чай. Я открыл свой красивый чемодан, вытащил оттуда, несколько банок с дефицитными, на тот момент, рыбными консервами. Было там, например, тушеное мясо кита. Как по мне, так обычная, говяжья, тушенка. Была там осетрина в каком-то желе, с овощами.

Все эти деликатесы, я специально купил перед поездом, чтобы привезти родителям. Было у меня, что-то такое, еще с детства, заниматься заготовительной деятельностью. Например, как-то раз, когда мне было шесть лет, и мы жили еще в поселке на севере, я зашел в магазин и увидел, как мне показалось, фантастически выглядящую, стиральную машинку, как сейчас помню, называлась она «Белка». Машинка была, не привычно-круглая, как бочонок, а прямоугольная. Поселок наш был небольшим, продавщица в магазине дружила с мамой, меня знала. И вот, я, увидев это чудо техники, заявил продавщице, чтобы она отложила машинку, мол, вечером, родители ее заберут. До этого, я неоднократно, слышал разговоры родителей о том, что наша стиралка сломалась и надо покупать новую. Придя домой, я сказал родителям: «Идите, я там в магазине стиральную машину отложил, забирайте!» Родители, смеясь, пошли в магазин, благо, он был рядом. И, к их удивлению, им действительно, пришлось купить эту самую «Белку», так как продавщица, действительно, отложила машинку. По той же схеме, я однажды, увидев в том же магазине, шикарные японские (!) босоножки (Мы жили на севере, со снабжением был полный порядок), сделал маме подарок, за ее же деньги, отложив для нее эту чудо-обувь. Самое удивительное, что они подошли маме по размеру! Я до сих пор их помню – очень стильные, цвета кофе с молоком, с темно-коричневыми вставками, с какими-то чумовыми пряжками! Вот, такой я был в раннем детстве. Мама, кстати, до сих пор рассказывает всем эту историю про японские босоножки! И да, прошу прощения, за отступления. Я же, честно предупреждал, что рассказчик из меня, никакой!

В общем, родители, даже обрадовались, что блудный сын, больше не поедет, постигать сложную науку судовождения.

И тут же, в этот же день, задали мне вопрос: «И что дальше?», на который, как вы понимаете, ответа я не знал. Я, конечно же, обещал подумать, переоделся и пошел к своим друзьям – одноклассникам. В то время, телефонов не было и в помине, и все коммуникации с дру-

зьями, осуществлялись ногами. Нет, конечно же, были стационарные телефоны, но были они, не у всех. У нас, например, телефона не было. Поэтому, я и пошел пешком. Шел я, как понимаете, «в низ», по улице, по которой, не раз ходил к своим друзьям. Они все, практически, жили на одной улице. То есть, сначала я зашел к одному, потом, спустившись по наклонному тротуару, ниже, к другому, потом, к третьему.

Первым был Серега Оланов, пухловатый, румяный парень, с которым мы неплохо сдружились, в восьмом классе. Тот открыл мне дверь, очень обрадовался, увидев меня на пороге, затащил в квартиру. Мы посидели с ним, минут двадцать, на кухне, попили чаю с вареньем, потом, вдвоем, пошли к Виталику Третьяку. С Виталей, мы дружили, с пятого класса, вместе играли в войнушки, лазали по стройкам и гаражам, мастерили какие-то штуки из журнала «Юный Техник». Виталья, тоже напоил меня чаем, только, на этот раз, с баранками. И вот, мы втроем, пошли к Рамилю Акманову, с которым мы дружили с третьего класса. Вообще, это был первый человек, с которым я познакомился, когда мы переехали в город и я попал в школу. Мы с Рамилем, рисовали постоянно, какие-то космические корабли, запоем читали фантастику, книжки про космос и космонавтику, очень любили читать про летчиков и про самолеты. Оба выписывали журнал «Крылья родины», в котором очень много, как вы понимаете из названия, писали о самолетах. Еще, мы очень любили книжки про войну, как художественные, так и исторические. Любимым нашим занятием, в детстве, было, болтаться по городу пешком, на ходу обсуждая какую-нибудь, книжку или, например, самолет. Или, сочиняя фантастический рассказ, который никто не записывал на бумагу. Эти рассказы, так и оставались, неизданными, в нашей памяти. С Рамилем, мы делали мечи из досочек от фруктовых ящиков, из кусков ДВП, мастерили щиты, зарисовывая их жуткими гербами с драконами и львами, а потом, устраивали побоища за котельной, возле нашего дома. А еще, мы клеили с ним, из альбомных листов, модели самолетов, кораблей и чего угодно, сами сочиняя развертки. Вот, такие у меня были, школьные друзья-одноклассники. Не скажу, что мы были, как часто пишут в книжках, такие четыре мушкетера. Хотя, все четверо, читали, конечно, про них. Как, кстати, и про Айвенго. Но нашими героями, честно скажу, были Маресьев, Рихард Зорге, Виталий Бонивур, летчики-полярники, и весь экипаж парохода «Челюскин», во главе с Отто Юльевичем Шмидтом. Ну, и конечно, Штирлиц, куда без него! Вот, на этих персонажей, заметьте, не кино, а реальной истории, нам хотелось быть похожими. У нас, например, дома, было, почти полное собрание книг серии «ЖЗЛ», то есть, Жизнь Замечательных Людей. И парни, перетаскали и перечитали, почти все эти книжки. Вообще, мои друзья, любили бывать у нас дома. У нас было огромное количество книг. На полках, стояли фигурки, вырезанные отцом из дерева. И поэтому, к нам ходили, как в музей. А еще потому, что родители никогда не ругались, если, например, мы раскладывались играть в войнушку, солдатиками, прямо в большой комнате. И вот, мы вчетвером, сидели на скамейке, во дворе Рамиля, под акациями. Я рассказывал парням о своей жизни в Астрахани, о практике, о Крузе, о разных смешных случаях, учил их материться по-морскому.

– Слушай, Острогов! – вдруг, как-то оживился Серега. – Мы тут, собираемся на дачу у Витали, пойдешь с нами?

Виталину дачу я знал. Бывал, как-то. Большой дом в два этажа, красивая веранда, скамейки среди яблонь. Родители Витали, были какими-то начальниками, на металлургическом заводе, поэтому, могли позволить себе дачу, как на картинке.

– А кто еще будет? – спросил я, отмахиваясь от табачного дыма. Серега с Виталей, курили, как два паровоза.

– Ну, бабы, конечно же, будут! – ответил Виталья. – Ленка Шумакова, Любка Ракитская, Машка и Люська Князевы. Машка и Люська – это сестры-близняшки. Они, как положено, были совершенно одинаковыми, учителя очень часто их путали. Троцкий вина обещал притащить – добавил Виталья. Троцкий – еще один наш одноклассник. Реально, у него была такая фамилия,

Троцкий! Звали его Семен. Это был хулиганистый, вредный, и, что называется, «говнистый» парень. Его не очень любили в классе. Кстати, раз уж, речь зашла о школе, нужно пояснить, что отличником я не был, не помню, упоминал я это или нет (я же предупреждал, что плохой я рассказчик!), но учился хорошо. Неплохо соображал по физике, по математике, мне легко, как-то, почти без усилий, давался английский. И в классе меня... не скажу, чтобы, вот прямо любили, но относились, скажем так, с симпатией. Я был веселым, постоянно что-то придумывал, мог очень удачно, сходу, пошутить. Бывало, что «вывозил», даже аргументированные, споры с учителями. В общем, относились ко мне, в основном, хорошо. И даже, многие, уважали. Это я, без лишней скромности вам говорю, уже проанализировав свои школьные годы, с высоты сегодняшнего дня. А в то время, я, конечно же, не умел правильную оценку давать, ни себе, ни окружающим. Все было просто: или человек – полное дерьмо, или – какое-то идеальное существо, сотканное из одних достоинств. Никаких полутонов, никаких оттенков. Как в индийском кино – этот, значит, назначается злодеем, а этот – положительным, до приторности, персонажем. Единственным исключением для меня, шестнадцатилетнего, были девочки. Я, по умолчанию, относился к ним, как к существам эфирным, каким-то, воздушным и трепетным. Возможно, это, благодаря отцу. Не скажу, что он проводил со мной, какие-то беседы на эту тему (ну, знаете, как в кино, этакое задушевное и очень глубокомысленное, проговаривание, что правильно, а что нет), я просто смотрел, как отец ведет себя с женщинами. Ну, и конечно же, общение с Бабочкой. Не зря же говорят, что первый сексуальный опыт, накладывает отпечаток. Мне, конечно, в этом смысле, повезло. Бабочка была, намного старше, и я учился у нее, сам того не подозревая, каким-то, наверное, базовым вещам. Поэтому, вот это пренебрежительное «бабы», которое сказал Виталя, мне как-то не понравилось. Девчонок, которых называли парни, я хорошо знал. И ни одна, уж точно, не заслуживала так называться – «бабы»! Я, лично, даже в шестнадцать, когда всем нам, хотелось выглядеть, хотя бы в своих глазах, круче и взрослее, такие слова не позволял себе употреблять, применительно к своим одноклассникам. Не говорил я, также, обращаясь к своим одноклассникам, и «мужики», как делал Серега. Ну, очень хотелось, видимо, им выглядеть причастным к этому притягательному, миру взрослых! Отсюда – сигареты, «бабы», «мужики» и мат через каждое слово. Хотя, если честно, к мату, в принципе, я всегда относился нормально. По моему мнению, он, как и любое изобретения человечества, сам по себе, не плох, и не хорошо. Важно, уметь пользоваться. Вот, взять, к примеру, боцмана на Крузе. Тот владел матом, как мне кажется, виртуозно. А есть персонажи, которые используют его, как знаки препинания. Как, извините, смайлики. Просто, бездумно, тыкая его, буквально, через слово. А есть такие, которые пользуют его с выдумкой, креативно, ярко и образно. И, как я всегда замечал, есть такая штука, как, идет или не идет. Кому-то, точно, мат к лицу. Причем, это, да простят меня поборники морали, относится и к девочкам. А некоторым, ну, вот, не то, что не идет, а просто противопоказан, как гигантский прыщ на носу, насколько он чужероден и уродлив! А вот, Витале, мат, ну вообще, никак не шел! Не то, чтобы, как прыщ, а гораздо хуже. Как, например, третий глаз, в каком-нибудь, самом неожиданном, месте. И никакой мужественности и взрослости, он, не добавлял. Это выглядело так, словно малолетка, чтобы напустить на себя мускулистости, напропалую, использовал все слова непечатные, какие знал. Впрочем, оно так и было на самом деле.

Так вот. Дача. Я опять, отвлекся. Наверное, мне не хватает умения, сосредоточиться на чем-то одном. Как рабочая гипотеза, вполне такая версия, имеет право на жизнь.

А в тот момент, в далеком, тысяча девятьсот восемьдесят шестом, я согласился идти на дачу к Витале, со своими одноклассниками. Мы быстро договорились о времени и месте встречи и разошлись по домам.

Дома у меня, конечно же, состоялся разговор с родителями. Вопросов было два: как получить образование, и что, вообще, я буду делать дальше. До армии, было еще далеко, целых два года. Это, сегодня, два года, кажется, небольшим сроком. А когда тебе, всего 16 лет, то два

года – это что-то среднее, между веком и эпохой. С образованием, вроде, решилось быстро – у мамы, в знакомых, была директор вечерней школы молодежи, или вечерки. Так что, среднее образование, можно сказать, было у меня в кармане. С тем, что я буду делать дальше, вопрос решился, как-то автоматически. По логике, чтобы поступить в вечерку, я должен работать. И, родителям казалось это, совершенно логичным, надо было идти работать. Отец, как раз, работал мастером в организации, которая занималась ремонтом железнодорожного жилого фонда (в то время, если кто помнит, все жилье, принадлежало какому-нибудь, ведомству. В нашем городе, были две крупные организации: металлургический завод и железная дорога. Так вот, родители, были железнодорожники. Они не имели отношения к подвижному составу, а работали, говоря по-современному, в инфраструктурных подразделениях.) Поэтому, вопрос был решен: отец обещал устроить меня учеником слесаря. И ждали меня, монтаж водопроводов, канализации и отопления. Но мне, как вы понимаете, было до лампочки: работы я не боялся. Приятным бонусом было то, что вместе с работой, я получал финансовую независимость. А это, конечно же, было очень важно! Я согласился с родителями, собрание закончилось.

...На дачу к Витале, я решил пойти в форме. Не знаю, почему, но мне показалось, что так будет интересней. Хотя, честно говоря, на одноклассников, в то время, я посматривал немного свысока. Я себе казался уже взрослым и умудренным опытом. Этаким, тертым калачом, умудренным жизненными передрягами и набившим шишки, самостоятельной жизнью. Да и сами они, смотрели на меня, как на нечто диковинное. Это, не стану скрывать, льстило. Наивным, все-таки, я тогда был. Наивным и самонадеянным. Как щенок, который, однажды укусив хозяйина за палец, вдруг возомнивший себя свирепым хищником, способным растерзать взрослого льва.

В общем, вытащив из чемодана синюю, не парадную, фланку, я принялся ее наглаживать по всем правилам. Вообще, гладились фланки особенным образом: поперек спины, от одного шва рукава, до другого, наглаживалась складка. Вдоль правого рукава, наглаживалась другая, от уголка погона, до манжета. На левом рукаве, по сторонам от шеврона, наглаживались две складки, параллельные друг дружке. Зачем это делалось, ума не приложу. Просто, так было положено. Вообще, моряк – профессия выпендренная, со множеством внешних украшательств. Одна, только, бляха ремня, чего стоит. Ее надраивали до зеркального блеска, вокруг якоря, тщательно проходя иголочкой, чтобы не скапливалась там чернота. Сам ремень, тоже натирался до блеска, воском. Воском же, натирался и козырек фуражки, чтобы все блестело. Ботинки, также, доводились до отчаянного сияния. Вот, весь блестящий и нарядный, я и пошел к Витале на дачу. До дачи его, можно было дойти пешком, благо, была она недалеко от города. Мы, вчетвером, собрались к назначенному времени, у стелы с названием города, и двинулись по шоссе. Кстати, еще одна примета моего детства: так как, телефонов не было, все о встречах, договаривались заранее. Причем, никто и никогда не опаздывал на них. Так было заведено. Потому что, технический прогресс, подарил нам возможность, опаздывать, я считаю, и звонить, предупреждая об опоздании. Удобно? Да, конечно, особенно, для тех, кто опаздывает. Для тех, кто ждет этого опаздывающего, это прекрасная возможность, закатив глаза, мысленно пройтись по личности звонившего, а затем, если время позволит, переключиться на его родню, на кошек, жучек и мышек. Но тогда, в моем отрочестве, мобильников не было. О них писали, конечно, писатели-фантасты, мы их видели в фантастических фильмах, думая о том, что такое, наверное, просто невозможно, в принципе...

...На дачу, мы пришли первыми. «Бабы», очевидно, где-то еще, были в пути, Троицкий, с вином, тоже, видимо, еще шагал по шоссе.

Мы разожгли костер, на специально оборудованном месте, расселись на скамейки и стали ждать...

– Острогов – спросил Серега. – Ты дальше куда, в ПТУ пойдешь? Или, в институт?

– Работать пойду! – ответил я. – Деньги надо зарабатывать! – я произнес это наставительно, как взрослый, который поучает неразумных малолеток...

Костер, окаймленный большими камнями, уютно щелкал, дым ел глаза, гудели в вечернем воздухе, комары. На душе был, какой-то, вселенский покой. Сегодня, сейчас, было все прекрасно. И завтра, вроде, все должно быть прекрасно, потому что, все придумано и решено, а значит, можно не переживать. Парни смотрели на меня с уважением. А что еще надо шестнадцатилетнему пацану, кроме того, что его сверстники, смотрят с уважением и восхищением? Правильно, чтобы с таким же восхищением, смотрели сверстницы! А сверстницы опаздывали безбожно.

Но, зато, приперся Троцкий, с тремя бутылками жуткой бормотухи, под названием «плодово-ягодный букет». Троцкий ловко откупорил один из букетов, налил в принесенные Виталей, эмалированные кружки. Мы чокнулись кружками. В предзакатном воздухе, раздался звон эмалированной посуды, словно несколько малышей, столкнулись горшками. Я, как вы, наверное, помните, алкоголь не пил (за исключением, конечно, коньяка у Новика.), поэтому, с опаской понюхал содержимое своего горшка, точнее, кружки.

– Ты чего, не бухал, Острогов, никогда?! – спросил Троцкий, криво усмехнувшись и посмотрев на меня, как на ничтожество.

– Нет, не бухал. – ответил я. – Как-то, повода не было.

– Ты же говорил, телка у тебя была, в Астрахани. – сказал Виталья. Видимо, в его понимании, телки и алкоголь, шли в комплекте.

– Ну и что. – ответил я. – Все равно, как-то, не доводилось. – я снова понюхал кружку. Естественно, никакими плодами и ягодами, эта грязно-малиновая жидкость, не пахла. Она воняла спиртом, чем-то приторным и очень мерзким. Сделав глубокий вдох, я залпом выпил эти чернила, чуть не задохнувшись от гадкого запаха бормотухи. В этот момент, я себе очень, не понравился. За то, что, пошел на поводу у компании, переступив через свои, якобы, принципы. И ради чего, собственно? Ради того, чтобы сверстники, снова смотрели с уважением. Мне стало неприятно быть мной.

От калитки, раздался девичий смех.

– О, бабы пришли! – радостно возвестил Троцкий, толкая меня плечом.

– Сам ты баба! – ответила, шедшая первой по тропинке, Любка. Она была блондинкой, Любка Ракитская. С ней я тоже, когда-то, сидел за одной партой. Любка была в красных штанах и белой блузке. В руках – красная хозяйственная сумка из блестящего коззама с надписью «олимпиада-80».

– Парни, мы вам поесть принесли – объявила Любка, опуская сумку на траву. – Привет, Острогов! А ты чего это, в форме?

– А он, наверное, в плаваньe собрался – сказала Ленка Шумакова, высокая, рыжеволосая, девчонка, присаживаясь на скамейку. Ленка была модницей, сколько я ее помню. Вот и сейчас, на ней была юбка, состоящая из разноцветных, кажется, «воланы», эти штуки называются, такие, ярусy у юбки. И блузка цвета молодой травы, с какими-то, оранжевыми, кляксами. Сестры Князевы, как всегда, одеты были одинаково – в сарафаны синего цвета, в мелкий белый цветочек.

– Привет, Вадим – поздоровались близняшки, почти хором.

– Привет, девчонки – чуть более развязно, чем требовалось, ответил я, салютуя кружкой.

– Вы чё, без нас бухаете?! – возмутилась Ленка. – А ну, давайте, наливайте!

Виталья принес еще кружки, Троцкий налил всем. Любка, порывшись в своей сумке, вытащила несколько бутербродов – черный хлеб с колбасой, которая называлась «ассорти», а взрослые, обычно, называли ее «жуй-плюй». Была такая интересная колбаса в то время, которая состояла из каких-то, отдельных кусочков, причем, не всегда, эти кусочки, оказывались мясом.

Бывало, что попадались хрящи, или какие-то жилы. Наверное, поэтому «жуй-плюй». Любка раздала всем по бутерброду.

– Погодите! – воскликнула Ленка. – Чё, как алкаши-то?!

– Ну, говори, тогда тост – сказала, усмехнувшись, Любка, нюхая кружку и морщась.

– Давайте выпьем за Острогова – предложила Ленка. – Он всегда был странным, особенно, когда уехал на капитана учиться.

– На штурмана. – поправил я.

– Без разницы! – отмахнулась Ленка. – Так вот. Он всегда был странным, таким и остался! Каким-то, прям, взрослым стал, такой, красивый весь, в форме! За тебя, Вадим, чтоб ты остался странным и всем хотелось стать, как ты!

Мы дружно чокнулись, выпили, закусили бутербродами.

Виталья пообещал, что скоро будут шашлыки, мол, родители замариновали кучу мяса, можно пожарить.

Новость о шашлыках, все встретили с воодушевлением. Виталья, вытащил из дома, касетный магнитофон, поставил на столик. Вскоре, при свете костра, под «Си-Си-Кетч», девочки отплясывали, стараясь выглядеть, максимально женственно и грациозно. С ними, двигаясь, словно по его телу, пускали электричество, плясал Троцкий, губами подпевая популярной немецкой певице...

– Слушай, а у тебя, правда, был роман с взрослой женщиной? – спросила Ленка. Мы сидели с ней, на крыльце. Шашлык, давно был съеден, плодово-ягодная бурда, выпита. На веранде, как два привидения, слившиеся в одно, отчаянно целовались Виталья, с одной из близняшек. Серега с Любкой, целовались где-то в доме. В то время, хотите верьте, хотите нет, дальше вот таких вот, как перед долгой разлукой, целований, у моих тогдашних сверстников, дело не доходило. Это, знаете ли, не современные «вписки», на которых разыгрываются сюжеты немецких фильмов, только без сантехников или разносчиков пиццы. Это были, вот такие, полудетские сборища разнополых сверстников. Еще раз повторюсь, хотите верьте, хотите нет. Но так все и было.

– Ну, не взрослая она была. – ответил я, смеясь. – Двадцать два года, всего-навсего. Но, для Ленки, двадцать два года, видимо, была уже глубокая старость. Она покачала головой.

– Все равно, взрослая – повторила она. – Как ее звали?

– Настя. – ответил я. Я почему-то, вспомнил сейчас, Бабочку, и на душе стало тоскливо.

– Скучаешь по ней? – тоном совсем уж взрослым и участливым, спросила Ленка.

– Иногда, бывает. – ответил я.

– красивая она?

– Да, красивая – простодушно ответил я. Я тогда еще не знал, что нельзя хвалить одну женщину, в присутствии другой. Молодой был, блин, что возьмешь!

– И что, у вас все-все было? – спросила Ленка.

– Ну, в общем, да. – ответил я. Я, вдруг, понял, что Ленка, вступив на скользкую дорожку этого рискованного разговора, каким-то извращенным способом, пыталась меня соблазнить. Но мне было не интересно. Я, примерно, предполагал уже, как все могло бы быть, и ничего, для себя привлекательного, я не увидел.

Вдруг, дверь из дома, с грохотом открылась, выбежал Троцкий. Уперевшись лбом, в столбик, поддерживающий навес перед крыльцом, Троцкий содрогнулся всем телом и исторг из себя весь плодово-ягодный букет, выпитый за вечер, все бутерброды с дивной колбасой «жуй-плюй» и все шашлыки. Он стоял так, минут пять, бодаясь со столбом и содрогаясь от приступов рвоты. Потом, повернувшись, стал подниматься по ступенькам крыльца. Мы с Ленкой, чтобы пропустить его, отодвинулись друг от друга.

– Троцкий, ты козел! – с обидой крикнула вслед Троцкому, Ленка. Мы больше не сдвинулись с ней на прежнее место, так и сидели на ступеньках, почти в метре друг от друга. Ни

о какой романтике, сколь сомнительна она бы ни была, после выступления Троцкого, я уже думать не мог. Видимо, Ленка, тоже поняла, что запустить машину соблазнения, с того же места, не получится, поэтому, как положено шестнадцатилетней девчонке, просто надулась и молча смотрела в темноту, где двумя привидениями, яростно целовались на веранде, Виталя и одна из сестер Князевых..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.